

**МИХАИЛ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ЛОМОНОСОВ**

ПОЭЗИЯ МИХАИЛА
ВАСИЛЬЕВИЧА
ЛОМОНОСОВА

Михаил Васильевич Ломоносов

Поэзия Михаила Васильевича Ломоносова

«В Тебе надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда;
К Тебе я ныне прибегаю,
Ища прощенья, не суда.
В страдании моем, Спаситель,
Ты был от самых юных лет
Помощник мой и Покровитель,
Пристанище души и Свет...»

Содержание

В Тебе надежду полагаю	0006
Гимн бороде	0008
Искусные певцы всегда в напевах тщатся . .	0014
К ивану ивановичу шувалову	0017
К статуе Петра великого	0018
Молчите струйки чисты	0023
Надпись на иллюминацию в день восшествия на престол её величества ноября 25 дня 1750 года перед зимним домом	0025
Надпись на иллюминацию в день рождения её величества декабря 18 дня 1750 года перед зимним домом	0027
Надпись на иллюминацию в день тезоименитства её величества 1748 года сентября 5 дня перед летним домом	0029
Надпись на иллюминацию в новый 1751 год, представленную перед зимним домом	0031
Надпись на иллюминацию, представленную её императорскому величеству от их императорских высочеств в Ораниенбауме (Ломоносов)	0033
Надпись на оказание высочайшей милости её величества в Москве 1753 года	0035
Надпись на спуск корабля, именуемого Иоанна Златоустого, года, дня	0036

Надпись, которая изображена на серебряной
раке великому князю Александру Невскому

0037

Ода блаженныя памяти Государыне
Императрице Анне Иоанновне на победу над
Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739
года 0039

Ода на день брачного сочетания великого князя
Петра Феодоровича и великия княгини
Екатерины Алексеевны 1745 года 0053

Ода на день восшествия на Всероссийский
престол Её Величества Государыни
Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года
0062

Ода, выбранная из Иова 0073

Отмщать завистнику меня вооружают 0078

Пётр Великий 0079

Письмо о пользе стекла 0171

Послушайте, прошу, что старому случилось 0203

Поэзия Михаила Васильевича Ломоносова

В Тебе надежду полагаю

Слова: М. Ломоносов. Музыка: И. Валфиш.
Блажен человек, который на Господа
возлагает надежду свою (Пс. 39:5).

«Гусли»

ми-минор

*1 В Тебе надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда;
К Тебе я ныне прибегаю,
Ища прощенья, не суда.
В страдании моем, Спаситель,
Ты был от самых юных лет
Помощник мой и Покровитель,
Пристанище души и Свет.*

*2 Во время старости глубокой,
О Боже мой, не отступи!
Но крепкой мышцей и высокой
Ты члены старца укрепи.
Твою я крепость, Вседержитель,
Повсюду стану прославлять
И что Ты мой был Покровитель,
Вовеки буду вспоминать.*

3 Твоя держава возвестится

И правда мною до небес;
О Боже! Кто с Тобой сравнится
Великим множеством чудес?
Ты к пропасти меня поставил,
Чтоб я свою погибель зрел[1],
Но скоро, обратясь, избавил
И от глубоких бездн возвёл.

4 Щедроту Ты Свою прославил,
Меня утешить восхотел,
К служенью Твоему наставил,
Своей любовью согрел.
Среди народа велегласно
Поведаю хвалу Твою,
И на струнах моих всечасно
Твои щедроты воспую.

1863

Гимн бороде

*Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.*

*Попечительна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой
Окружает бородой
Путь, которым в мир приходим
И наш первой взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота.*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная*

Тем тебе предпочтена.

*Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам любезной брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безговым с бородой.*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.*

*Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разгладит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суевры;
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная*

Тем тебе предпочтена.

*О коль в свете ты блаженна,
Борода, глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, вралы, проказы
Были бы без ней безглазы,
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.*

*Если правда, что планеты
Нашему подобны свету,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бороною,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправды тут,
В трубе там того сожгут.*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная*

Тем тебе предпочтена.

*Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом;
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен,
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.*

*О прикраса золотая,
О прикраса даровая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная*

Тем тебе предпочтена.

*Через многие расчосы
Заплету тебя я в косы,
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу.
Через разные затеи
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки.*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.*

*Ах, куда с добром деваться?
Все уборы не вместятся:
Для их многого числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти.*

*Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная*

Тем тебе предпочтена.

1757

Искусные певцы всегда в напевах тщатся

*Искусные певцы всегда в напевах
тщатся,
Дабы на букве А всех доле остано-
ваться,
На Е, на О притом умеренность
иметь,
Через У и через И с поспешностью
лететь,
5 Чтоб оным нежному была при-
ятность слуху,
А сими непринесть несносной ску-
ки уху.
Великая Москва в языке толь
нежна,
Что А произносить за О велит
она.
В музыке что распев, то над сло-
вами сила;[2]
10 Природа нас блюсти закон сей
научила.
Без силы бёреги, но с силой берега́
И сне́ги без нея мы говорим снега́;
Довольно кажут нам толь ясныя
доводы,*

*Что ищет наш язык везде от И
свободы:*

*15 Или уж стало иль; коли уж
стало коль;*

*Изволи ныне все везде твердят
изволь;*

*За спиши, спишь и спать мы гово-
рим за спати.*

*На что же, Трисотин[3], к нам
тянешь И не к стати?*

*Напрасно злобной сей ты предпри-
ял совет,*

*20 Чтоб, льятя тебе, когда Рос-
сийской принял свет*

*Свиньи визги вси и дикии, и
злыи,*

*И истинныи ти, и лживы, и кри-
выи.*

*Языка нашего небесна красота
Не будет никогда попрашна от
скота.*

*25 От яду твоего он сам себя из-
бавит*

*И, вред сей выплюнув, поверь, тебя
заставит*

*Скончат твой скверной визг сто-
нанием совы,*

Негодным в русской стих и про-

пастным увы!

К ивану ивановичу шувалову

*Спасибо за грибы, челом за ана-
нас,
За вина сладкие; я рад, что не был
квас.
Российско кушанье сразилось с пе-
руанским,
А если бы и квас влился в кишки с
шанпанским,
Те сделался бы в них такой же
разговор,
Какой меж стряпчими в суде бы-
вает спор.
Я думал уж и так, что в брюхо...
забился,
И, выпустить хотя, я чуть не
надсадился.*

«Между 1752 и 1753»

К статуе Петра великого

НАДПИСЬ 1 К СТАТУЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

*Се образ изваян премудрого героя,
Что, ради подданных лишив себя
покоя,
Последний принял чин и царствуя
служил,
Свои законы сам примером утвер-
дил,
Рожденны к скипетру, простер в
работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб
нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил тру-
ды в войнах,
В землях далеких был и стран-
ствовал в морях,
Художников собирал и обучал сол-
датов,
Домашних побеждал и внешних
сопостатов;
И словом, се есть Петр, отече-
ства Отец;
Земное божество Россия почита-
ет,*

*И столько олтарей пред зраком
сим пылает,
Коль много есть ему обязанных
сердец.*

НАДПИСЬ 2 К ТОЙ ЖЕ

*Елисавета здесь воздвигла зрак
Петров
К утехе россов всех, но кто он был
таков,
Гласит сей град и флот, художе-
ства и войски,
Гражданские труды и подвиги ге-
ройски.*

НАДПИСЬ 3 К ТОЙ ЖЕ

*Металл, что пламенем на брани
устрашает,
В Петрове граде се россиян уте-
шает,
Изобразив в себе лица его черты;
Но если бы его душевны красоты
Изобразить могло притом раче-
нье наше,
То был бы образ сей всего на свете
краше.*

НАДПИСЬ 4 К ТОЙ ЖЕ

*Зваянным образам, что в древни
времена
Героям ставили за славные походы,
Невежеством веков честь божеска дана,
И чтили жертвой их последовавши роды,
Что вера правая творить всегда претит.
Но вам простительно, о поздые потомки,
Когда услышав вы дела Петровы громки
Поставите олтарь пред сей геройский вид;
Мы вас давно своим примером оправдали:
Чудясь делам его, превысшим смертных сил,
Не верили, что он един от смертных был,
Но в жизнь его уже за бога почитали.*

НАДПИСЬ 5

К ТОЙ ЖЕ

Гремящие по всем концам зем-
ным победы,
И россов чрез весь свет торже-
ствовавших следы,
Собрание наук, исправленны суды,
Пременное в реках течение воды,
Покрытый флотом понт, среди
волн грады новы
И прочие дела увидев смерть Пет-
ровы
Рекла: «Сей человек предел мой
нарушил
И доле в мире сем Мафусаила
жил».
Так лета по делам считая, воз-
гласила
И в гроб великого сего героя скры-
ла.
Но образом его красуется сей
град.
Взирая на него, Перс, Турок, Гот,
Сармат
Величеству лица геройского чу-
дится
И мертвого в меди бесчувствен-
ной страшится.

Между 1743 и 1747

Молчите струйки чисты

*Молчите струйки чисты,
И дайте мне вещать:
Вы птички голосисты
Престаньте воспевать.
Пусть в рощах раздаются
Плачевные слова,
Ручьями слезы льются
И стонут дерева.*

*Ты здесь моя отрада,
Любезной пастушок,
Со мной ходил от стада
На крутой бережок.
Я здесь с тобой свыкалась
От самых лет младых,
И часто наслаждалась
Любовных слов твоих.*

*Уж солнышко спустилось
И село за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.
Я в горькой скуке трачу
Прохладные часы,
И наедине плачу
Лишась твоей красы.*

Целую те пруточки,
С которых ты срывал
Прекрасные цветочки,
И мне пучки вязал,
Слезами обливаю
Зеленые листья,
В печали презираю
Приятные плоды.

Я часто вижу власно
Тебя во древесях;
Бегу туда напрасно,
Хочу обнять в слезах.
Но только тень пустая
Меня несчастну льстит,
Смущаюся, теряя
Приятной мне твой вид.

Лишь только ветр листьями
Тихонько потрясет,
Я тотчас меж кустами
Тебя ищу, мой свет.
От всякой перемены
Всечасно я крушусь,
И муча слабы члены
На каждой слух стремлюсь.

**Надпись на иллюминацию в
день восшествия на престол
её величества ноября 25 дня
1750 года перед зимним
домом**

**НАДПИСЬ
НА ИЛЛЮМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВ-
ЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ
ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА НОЯБРЯ 25 ДНЯ
1750 ГОДА, ПЕРЕД ЗИМНИМ ДО-
МОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ВАВИ-
ЛОН, ОКРУЖЕННЫЙ ЗЕЛЕНЕЮ-
ЩИМ САДОМ; ПО СТОРОНАМ ТОР-
ЖЕСТВЕННЫЕ СТОЛПЫ**

*Во время твоея, монархиня, дер-
жавы
Сугубой счастливой мы лета кра-
сотою.
Одну дает нам Бог, округ веков со-
здавый,
Другую дарствует приход, Богиня,
твоя.*

*Из Вавилона бед изведены тобою,
Вошли спокойствия в прекрасные
сады
И, ставя нынѣ столпы с твоею по-
хвалою,
Вкушаем радости приятные пло-
ды.*

Первая половина октября 1750

**Надпись на иллюминацию
в день рождения её
величества декабря 18 дня
1750 года перед зимним
домом**

**НАДПИСЬ
НА ИЛЛЮМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВ-
ЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА
ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1750 ГОДА ПЕРЕД
ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕ-
НА БЫЛА СИЯЮЩАЯ ЗВЕЗДА НАД
ОЛТАРЕМ, НА КОТОРОМ ПЫЛАЕТ
СЕРДЦЕ; ПО СТОРОНАМ ХРАМЫ**

*Счастливая звезда на Горизонт
блистала,
Когда Елисавет России воссияла.
Монархиня, твой к нам сверькнул
пресветлый луч,
Возжег и осветил всех сердце по-
сле туч.
Единым сердцем все равно к тебе
пылаем*

*И тое на олтарь усердий возлага-
ем.*

*Из храмов ревности желания гла-
сят,*

*Да Вышний даст сей день торже-
ствовать стократ.*

Начало декабря 1750

**Надпись на иллюминацию
в день тезоименитства её
величества 1748 года
сентября 5 дня перед летним
домом**

**НАДПИСЬ
НА ИЛЛЮМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВ-
ЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ
ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЁ ВЕЛИ-
ЧЕСТВА 1748 ГОДА СЕНТЯБРЯ 5
ДНЯ, ПЕРЕД ЛЕТНИМ ДОМОМ, НА
КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ФОН-
ТАН, А ПО СТОРОНАМ ХРАМЫ МИРА
И ВОЙНЫ**

*Богиня красотой, породой ты бо-
гиня,
Повсюду громкими делами героиня,
Ты мать щедротами, ты именем
покой:
Смущенный бранью мир мирит
господь тобой.
Российска тишина пределы пре-*

восходит

*И льет избыток свой в окрестные
страны:*

*Воюет воинство твое против вой-
ны;[4]*

*Оружие твое Европе мир приво-
дит.*

Между 9 июля и 5 сентября 1748

**Надпись на иллюминацию
в новый 1751 год,
представленную перед
зимним домом**

**НАДПИСЬ
НА ИЛЛЮМИНАЦИЮ В НОВЫЙ 1751
ГОД, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ ПЕРЕД
ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРА-
ЖЕН БЫЛ ЗЕМНОЙ ГЛОБУС, НА КО-
ТОРОМ СТОЯЛО ВЕНЗЛОВОЕ ИМЯ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА И ЧИСЛО НОВОГО
ГОДА; ПО СТОРОНАМ ОТВЕРСТЫЕ
ХРАМЫ И ОЛТАРИ С ВОЗЖЖЕН-
НЫМ НА НИХ ПЛАМЕНЕМ**

*Отверсты храмы все, и олтари
дымятся,
Желанья всех к тебе, монархиня,
стремятся,
И ревность подданных со време-
нем растет,
И оных счастье с числом восхо-
дит лет.
Полсвета, что твоя десница*

*управляет,
Согласный шум до звезд усердно
возвышает,
Да Вышний новый год с тобой бла-
гословит
И слух твой и другу полсвета уди-
вит.*

Начало декабря 1750

**Надпись на иллюминацию,
представленную её
императорскому величеству
от их императорских
высочеств в Ораниенбауме
(Ломоносов)**

**НАДПИСЬ
НА ИЛЛЮМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВ-
ЛЕННУЮ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ ОТ ИХ ИМПЕРАТОР-
СКИХ ВЫСОЧЕСТВ В ОРАНИЕНБАУ-
МЕ 1750 ГОДА ИЮЛЯ 31 ДНЯ, ГДЕ
ИЗОБРАЖЕНЫ БЫЛИ ДВА СОЕДИ-
НЕННЫЕ СЕРДЦА, ПЫЛАЮЩИЕ НА
ОЛТАРЕ К СИЯЮЩЕМУ НАД НИМИ
СОЛНЦУ; ПО СТОРОНАМ МЛАДОЙ
МЕСЯЦ И ВОСХОДЯЩАЯ ДЕННИЦА**

*Как солнце с высоты, богиня, к
нам сияешь*

*И в наших жар сердцах усердней-
ший рождаешь.*

Мы оба, чувствуя любовь твою к

себе,
Приносим ревности взаимно жар
тебе.
Монархиня, ты всем един источник
света,
Российский Горизонт тобою освещен,
Тобою наш восход на оном озарен.
Мы свет заимствуем, дает Елисавета.

Вторая половина июля 1750

**Надпись на оказание
высочайшей милости её
величества в Москве 1753
года**

**НАДПИСЬ
НА ОКАЗАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕЙ МИ-
ЛОСТИ ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА В МОСКВЕ
1753 ГОДА**

*Монархиня, твоя прещедрая рука
Обилие нам льет и радость, как
река,
Сильнее, нежели ключей Касталь-
ских токи,
Стремление к стихам и дух дает
высокий.*

*О радостной восторг! куда я поле-
чу?
Но большее язык богатство слов
являет,
Когда умеренно веселие бывает;
Веселие мое безмерно, я молчу.*

Вторая половина марта 1753

Надпись на спуск корабля, именуемого Иоанна Златоустого, года, дня

НАДПИСЬ НА СПУСК КОРАБЛЯ, ИМЕНУЕМОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТАГО, ГОДА, ДНЯ

*Сойди к нам, Златоуст, оставив
небеса,
Достойна твоего здесь зренья
краса:
Петрова дочь тебе корабль сей
посвящает
И именем твоим всё море напол-
няет.
Когда ты пойдешь в путь на нём
между валов,
Греми против её завистливых вра-
гов.
Златыми прежде ты гремел в
церьквах устами,
Но пламенными впредь звучи в во-
дах словами.*

8 сентября 1751

**Надпись, которая
изображена на серебряной
раке великому князю
Александру Невскому**

**НАДПИСЬ,
КОТОРАЯ ИЗОБРАЖЕНА НА ВЕЛИ-
КОЛЕПНОЙ СЕРЕБРЯНОЙ РАКЕ
СВЯТОМУ, БЛАГОВЕРНОМУ И ВЕЛИ-
КОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НЕВ-
СКОМУ, ПОСТРОЕННОЙ ВЫСОЧАЙ-
ШИМ ПОВЕЛЕНИЕМ ЕЕ ВЕЛИЧЕ-
СТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИ-
ЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В ТРО-
ИЦКОМ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОМ
МОНАСТЫРЕ**

*Святой и храбрый князь здесь те-
лом почивает;
Но духом от небес на град сей
призирает
И на брега, где он противных по-
беждал
И где невидимо Петру споспеш-
ствовал.*

*Являя дочь его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку
[5] в честь
От первого сребра, что недро ей
земное
Открыло, как на трон благоволи-
ла сестъ.*

Первая половина 1750

**Ода блаженныя памяти
Государыне Императрице
Анне Иоанновне на победу
над Турками и Татарами и на
взятие Хотина 1739 года**

**Ода блаженныя памяти
Государыне Императрице Анне
Иоанновне на победу над Турками и
Татарами и на взятие Хотина 1739 го-**

**да
1**

*Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключь молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом в низ с холмов стре-
мится.*

*Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.*

2

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр Музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастильскойг очи.
Чрез степь и горы взор прострид
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

3

Корабль как ярых волн среди,
Которья хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити,
Седая пена вокруг шумит,
В пучине след его горит, –
К Российской силе так стремят-
ся,
Кругом объехав, тьмы Татар;
Скрывает небо конской пар!
Чтож в том? Стремглав без душ
валяются.

4

Крепит отечества любовь
Сынов Российских дух и руку;

*Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом?
От реву лес и берег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.*

5

*Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Через быстрой ток на огонь дерзает.*

6

*За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть ры-
гает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов здирает;*

Но чтоб орлов здержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухия степи – равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

7

Пускай земля, как Понт, трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О Россы, вас сам рок покрыть
Желает для щастливой Анны.
Уже ваш к Ней усердный жар
Быстро проходит сквозь Татар,
И путь отворен вам простран-
ный.

8

Скрывает лучь свой в волны день.
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух Татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в Турецкий полк.
Иной, в последни видя зорю:

«Закрой, – кричит, – багряной вид
И купно с ним Магметов стыд,
Спустишь поспешно с солнцем к
морю».

9

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой
слух?

Пустыня, лес и воздух воеет!
В пещеру скрыл свирепство зверь;
Небесная отверзлась дверь;
Над войском облак вдруг развил-
ся;

Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.

10

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны Россам стены?
И Персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
95 Он так к своим взирал врагам,
Как к Готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь Его скакал,

Когда Он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

11

Кругом Его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на
юг,
Одеян страшным громом вокруг?
Никак Смиритель стран Казан-
ских?
Каспийски воды, Сей при вас
Селима гордаго потряс,
Наполнил степь голов поганских.

12

Герою молвил тут Герой:
«Нетщетен я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб Россов целой свет страшил-
ся.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;

Не зрит их око, слух нечуует.

13

*Крутит река Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и мечь, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.*

14

*Шумит с ручьями бор и дол:
«Победа, Росская победа!»
Но враг, что от меча ушел,
Бои́тся собственнаго следа.
Тогда, увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице зардевшись скрыла
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль Росская ужасна сила.*

15

Вливаясь в Понт, Дунай ревет
И Россов плеску отвещает;
Ярясь волнами Турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь.
И чаёт, что уже теперь
В последней раз заносит ногу.
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

16

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? Где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презор-
ство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тот час чаял победить;
Янычар твой свирепо злился.
Как Тигр на Русский полк скакал.
Но что? Внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.

17

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, Агаряне, попрала,
Целуйте руку, что вам страх

*Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря,
К своим любовью горя,
Вам казнь и милость обещает.*

18

*Златой уже десницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет посту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом,
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».*

19

*Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воеет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов, –
Пред Росской так дрожит Орли-*

цей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей?

20

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдатся власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ея взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

21

О как красуются места,
Что изго лютное зброшили
И что на Турках тягота,
Которую от них носили;
И варварския руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон ужё несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

22

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирять достойно.
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам недала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыть-
ся?
Дамаск, Каир, Алепп згорит,
Обставят Росским флотом
Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.

23

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском пронизает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит
круги.
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то.
Велики коль Ея заслуги.

24

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчаеб Фивы обвинили,
За тем что о победах сих
Ониб громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин.
Россия, как прекрасный крин,
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут Ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых Россов славой.

25

Россия, коль щастлива ты
Под сильным Анниным Покровом!
Какия видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных нестрашися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой
льет,
Пусть свой язык ярься грызет;
То наша радость презирает.

26

Козацких поль заднестрской
тать,
Разбит, прогнан, как прах, разве-

ян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей, где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Ни где не знал плывя препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал:
Влекут к тому торжеств изрядства.

27

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит,
Салдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит,
И Ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

28

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,

*Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и Богиня,
Велика Анна, Ты доброт
Сияешь светом и щедрот:
Прости, что раб твой к громкой
славе.*

*Звучит что крепость силе Твоих,
Придать дерзнул не красной стих
В подданства знак Твоей державе.*

**Ода на день брачного
сочетания великого князя
Петра Феодоровича и
великия княгини Екатерины
Алексеевны 1745 года**

**Ода на день брачного сочетания Их
Императорских Высочеств Государя
Великого Князя Петра Феодоровича
и Государыни Великия Княгини Ека-
терины Алексеевны, 1745 года**

*Не сад ли вижу я священный,
В Эдеме вышним насажденный,
Где первый узаконен брак?
В чертог богиня в славе входит,
Любезнейших супругов вводит,
Пленяющих сердца и зрак.
В одном геройской дух и сила
Цветут во днях уже младых,
В другой натура истощила
Богатство всех красот своих.*

*Исполнил бог свои советы
С желанием Елисаветы:
Красуйся светло, росский род.*

*Се паки Петр с Екатериной
Веселья общего причиной:
Ликуйте, сонмы многих вод.
Рифейских гор верьхи неплодны,
Одейтесь в нежный цвет лилей;
Пустыни и поля безводны,
Излейте чистый ток ключей.*

*На востоке, западе и юге,
Во всем пространном света круге
Ужасны росские полки,
Мечи и шлемы отложите
И в храбры руки днесь возьмите
Зелены ветьви и цветки.
Союзны царства, утверждайте
В пределах ваших тишину,
Вы, бурны вихри, не дерзайте
Подвигнуть ныне глубину.*

*Девиц и юнош красных лики,
Вносите радостные клики
По мягким тихих рек брегам:
Пусть глас веселый раздается,
Пусть сей приятный глас про-
мчется
По холмам, рощам и лугам:
К утехе русского народа
Петра с Екатериной вновь*

Счетает счастье и порода,
Пригожство, младость и любовь.

Как сладкий сон вливает в члены,
Через день трудами изнуренны,
Отраду, легкость и покой,
Так мысль в веселье утопает.
О коль прекрасен свет блистает,
Являя вид страны иной!
Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Между млечными облаками
Сияет злато и лазурь.

Кристалльны горы окружают,
Струи прохладны обтекают
Усыпанный цветами луг.
Плоды, румянцом испещренны,
И ветви, медом орошенны,
Весну являют с летом вдруг.
Восторг все чувства восхищает!
Какая сладость льется в кровь?
В приятном жаре сердце тает!
Не тут ли царствует любовь?

И горлиц нежное вздыханье,
И чистых голубиц лобзанье
Любви являют тамо власть.

Древа листьями помавают,
Друг друга ветвьми обнимают,
В бездушных зрю любовну
страсть!

Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся,
И, слившись меж собой, журчат.

Нарцисс над ясною водою
Пленен своею красотою,
Стоит любуясь сам собой.
Зефир, как ты по берегу дуешь,
Стократ листки его целуешь
И сладкой те кропишь росой.
Зефир, сих нежных мест храни-
тель,
Куда свой правишь с них полет?
Зефир, кустов и роц любитель,
Что прочь от них тебя влечет?

Он легкими шумит крилами,
Взвивается под небесами
И льет на воздух аромат;
Царицу мест любовь сретаает,
Порфиру и власы взвеваает;
Она спешит в свой светлый град.
Индийских рек берега веселы,

*Хоть вечно вас весна пестрит,
Не чудны ваши мне пределы,
Мой дух красу любви зрит.*

*Как утрення заря сияет,
Когда день ясный обещает,
Румянит синий горизонт;
Лице любви толь прекрасно,
В ночи горят коль звезды ясно
И пронизают тихий понт;
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь души и сердца идут,
С надеждой смешанны отрады
В объаты страстью мысли льют.*

*Белейшей мрамора рукою
Любовь несет перед собою
Младых супругов светлый лик.
Сама, смотря на них, дивится,
И полк всех нежностей теснится
И к оным тщательно приник.
Кругом ее умильны смехи
Взирающих пленяют грудь,
Приятности и все утехи
Цветами устилают путь.*

*Усердна верность принимает
Носимый лик и поставляет*

На крепких мраморных столпах,
Сребром чистейшим обведенных
И так от века утвержденных,
Как в тяжких Таврских нутр го-
рах,
Бурливых вихрей не боится
И презирает молний блеск,
От мрачных туч бежать не
тщится,
В ничто вменяет громов треск.

Не сам ли в арфу ударяет
Орфей, и камни оживляет,
И следом водит хор древес?
Любовь, и с нею восклицают
Леса, и громко возвышают
Младых супругов до небес.
В пригорках бьют ключи прозрач-
ны,
Сверькая в солнечных лучах,
И сыплют чрез долины злачны,
Чем блещет Орм в своих краях.

Кастальски нимфы ликовству-
ют,
С любовью купно торжествуют
И движут плесками Парнас;
Надежда оных ободряет,

Надежда тверда возбуждает
Возвысить громко брачный глас.
Надежда обещает явно;
Оне себе с весельем ждут
Иметь в России имя славно,
Щедротой ободренный труд.

О ветвь от корене Петрова!
Для всех полночных стран покро-
ва
Благополучно возрастай.
О щедрая Екатерина,
Ты процветай краснее крина
И сладки нам плоды подай.
От вас Россия ожидает
Счастливых и спокойных лет,
На вас по всякой час взирает
Как на всходящий дневный свет.

Теперь во всех градах российских,
По селам и в степях азийских
Единогласно говорят:
Как бог продлит чрез вечно время
Дражайшее Петрово племя,
Счастлива жизнь и наших чад;
Не будет страшныя премены,
И от российских храбрых рук
Рассыплются противных стены

И сильных изнеможет лук.

*Петр силою своей десницы
Российски распрострет границы
И в них спокойство утвердит.
Дражайшия его супруги
Везде прославятся заслуги,
И свет щедрота удивит.
Он добродетель чрез награду
В народе будет умножать;
Она предстательством отраду
Потщится бедным подавать.*

*От Иберов до вод Курильских,
От вечных льдов до токов Ниль-
ских,
По всем народам и странам
Ваш слух приятный протекает,
Языки многи услаждает,
Как благовонный фимиам.
Коль сладко путник почивает
В густой траве, где ключ течет,
Свое так сердце утешает,
Смотря на вас Елисавет.*

*С горящей, солнце, колесницы,
Низвед пресветлые зеницы,
Пространный видишь шар земной,*

В Российской ты державе восходишь,
Над нею дневный путь преводишь
И в волны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидетель,
Ты зришь усердий наших знак,
Что ныне нам послал содетель
Чрез сей благословенный брак.

О боже, крепкий вседержитель!
Поддай, чтоб россов обновитель
В потомках вечно жил своих:
Вспомяни его заслуги
И, преклонив небесны круги,
Благослови супругов сих.
С высот твоих Елнсавете
Посли святую благодать,
Сподоби ту в грядущем лете
Петрова первенца лобзать

Санкт-Питербурх, 1745

Ода на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года

Ода

на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года[6]

*Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сёл, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы нестроят
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Своё богатство по земли.*

*Великое светило миру,
Блестящая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,*

На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;[7]
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звёзд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою[8]
И на престол взвела с собою

Доброт твоих прекрасный лик!

*Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный
ветр
Через яры волны порывает;
Он берег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.*

*Молчите, пламенные звуки,[9]
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.*

*Ужасный чудными делами
Зиждатель мира искони
Своими положил судьбами*

Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попоранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшил-
ся,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с одного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»[10]

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,[11]

*Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.*

*Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
[12]*

*Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.*

*В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина, [13]
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!*

*Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?*

*О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший
глас!*

*Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.*

*Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может во-
ин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешают
Плачевный побежденных стон.*

*Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,*

*Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.*

*Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.*

*Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвеает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.*

Коль многи смертным неизвест-

ны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец, стучком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая наки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет
храм;
Невежество пред ней бледнеет.

Там влажный флота путь беле-
ет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды[14]
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там, тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;[15]
Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротой превышают
Одежду нежныя весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет[16]
В верхи Рифейски копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из пор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Плато-
нов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,[17]
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не поме-
ха.

Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,

*Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.*

1747

Ода, выбранная из Иова

главы 38, 39, 40 и 41

*О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек,
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь
град блистая
И гласом грома прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:*

*Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как Я в стройном чи-
не
Прекрасный сей устроил свет;
Когда Я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!*

*Где был ты, как передо Мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою
В обширности безмерных мест,*

Мое величество вещали;
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

Кто море удержал берегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвигнул Океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть,
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветер напра-
вить,
Чтоб в пристани его поставит,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?

*Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнею покрыты мглою
Со страхом смертные врата?
Ты спер ли адовы уста?*

*Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебать
И смертным гнев свой возве-
щать?*

*Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких,
Что в пищу Я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?*

*Воззри в леса на Бегемота,
Что Мною сотворен с тобой;
Колючей терн его охота
Безвредно попирать ногой.*

Как верьви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой середине Океана
Он быстрой простирает бег;
Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой.

Как жернов сердце он имеет,
И зубы страшный ряд серпов;
Кто руку в них вложит посме-
ет?
Всегда к сраженью он готов;
На острых камнях возлегает
И твердость оных презирает.
Для крепости великих сил
Считает их за мягкой ил.

Когда ко брани устремится,
То море, как котел, кипит,
Как печь, гортань его дымится,
В пучине след его горит;

Сверкают очи раздраженны,
Как уголь, в горниле раскаленный,
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против Меня?

Обширного громаду света
Когда устроить Я хотел,
Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?
Как персть Я взял в начале века,
Дабы создати человека,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе Я дал?

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителю власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпеньи часть.
Он всё на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Между 1743 и началом 1751

Отмщать завистнику меня вооружают

*Отмщать завистнику меня во-
оружают,[18]*

*Хотя мне от него вреда отнюдь
не чают.*

*Когда зоилова хула мне не вре-
дит,*

*Могу ли на него за то я быть сер-
дит?*

*Однако ж осержусь! я встал, ищу
обуха;*

*Уж поднял, я махну! а кто сидит
тут? муха!*

*Как жаль мне для неё напрасного
труда.*

*Бедняжка, ты летай, ты пой: мне
нет вреда.*

Первая половина ноября 1753

Пётр Великий

Его высокопревосходительству милостивому государю Ивану Ивановичу Шувалову, генералу-поручику, генералу-адъютанту, действительному каммергеру, Московского университета куратору, и орденов Белого орла, святого Александра, святых Анны кавалеру.

*Начало моего великого труда
Прими, предстатель муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя российско
слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен, в сей путь пустил я:
Ты будешь онога споспешник и судья.
И многи и сия дана тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит твой и просвещенный ум,
Где мысли важные и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тон-*

кий слуха,
Чтоб слабость своего возмог при-
знать я духа,
Когда под бременем поникну
утомлен,
Вниманием твоим восстану
ободрен.
Хотя вослед иду *Виргилию, Гомеру,*
Не нахожу и в них довольного при-
меру.
Не вымышленных петь намерен я
богов,
Но истинны дела, великий труд
Петров.
Достойную хвалу воздать сему ге-
рою
Труднее, нежели как в десять лет
взять *Трою,*
О если б было то в возможности
моей,
Беглец Виргилиев из отчества
Эней
Едва б с *Мазепою* в стихах моих
сравнился,
И басней бы своих *Виргилий* усты-
дился.
Уликсовых сирен и Ахиллесов гнев

Вовек бы заглушил попоранный ре-
вом лев.

За кем же я пойду? Вслед подвигам
Петровым,

И возвышением стихов героических
новым

Уверю целые вселенныя концы,
Что тем я заслужу парнасские
венцы:

Что первый пел дела такого чело-
века,

Каков во всех странах не слыхан
был от века.

Хотя за знание служил мне в том
талан,

Однако скажут все: я был судьбой
избран.

Желая в ум вперить дела Петро-
вы громки,

Описаны в моих стихах прочтут
потомки.

Обильные луга, прекрасны бреги
рек,

И только где живет российский
человек,

И почитаючи Россию все языки,
У коих по трудам прославлен

Петр Великий,

Достойну для него дадут сим
честь стихам
И станут их гласить по рощам и
лесам.
О как я возношусь своим успехом
мнимым,
Трудом желаемым, но непреодо-
лимым,
Однако ж я отнюд надежды не
лишен:
Начатый будет труд прилежно
совершен.
Твоими, меценат, бодрясь в труде
словами,
Стремлюся на Парнасе, как лег-
кими крилами,
В разборе убежден о правоте тво-
ей,
Пренебрегаю злых роптание лю-
дей.
И если в поле сем прекрасном и
широком
Преторжнется мой век недобро-
хотным роком,
Цветущим младостью останет-
ся умам,
Что мной проложенным последу-
ют стопам.

Довольно таковых родит сынов
Россия,
Лишь были б всегда защитники
такие,
Каков ты промыслом в сей день
произведен,
Для счастья наук в отечестве
рожден.
Благополучная сияла к ним пла-
нета,
Предвозвещающая плод в твои пре-
красны лета.
В благодеяниях твои проходят
дни,
О коль красно цветет Парнасс в
твоей тени!
Для музы моя твой век всего до-
роже;
Для многих счастья продли, про-
дли, о боже.

Ноября 1 дня 1760 года.

Песнь первая

Сокращение

Петр Великий, уздав, что шведские кораб-
ли идут к городу Архангельскому, дабы там
учинить разорение и отвратить государев по-
ход к Шлиссельбургу, отпустил войско при-

ступать к оному. Сам с гвардиєю предприемлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинские устья обращает в бегство флот шведский. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе сказывает государь настоятелю тамошня обители о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольничий.

Пою премудрого российского ге-
роя,
Что, грады новые, полки и флоты
строя,
От самых нежных лет со злобой
вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес
свою страну;
Смирил злодеев внутрь и вне по-
прал противных,
Рукой и разумом сверг дерзост-
ных и льстивных;
Среди военных бурь науки нам от-
крыл

И мир делами весь и зависть удивил.

К тебе я вопию, премудрость бесконечна,
Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна,
И полон ревности спешит в восторге дух Петра
Великою гласить вселенной вслух
И показать, как он превыше человека
Понес труды для нас неслыханны от века;
С каким усердием отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя.
Да на его пример и на дела велики
Смотря, весь смертных род,
смотря, земны владыки
Познают, что монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях герой.
Дабы российский род вовеки помнил твердо,
Коль, небо! ты ему явилось мило-

сердо.

*Ты мысль мне просвети; делами
Петр снабдит,
Велика дочь его щедротой оживит.*

*Богиня, коей власть владычеств
всех превыше,
Державство кроткое весны пре-
красной тише,
И к подданным любовь всех выс-
ший есть закон,
Ты внемлешь с кротостью мой
слабый лирный звон.
Склони, склони свой слух, когда я
пред тобою
Дерзаю возгласить военного тру-
бою
Тебя родившее велико божество!
О море! О земля! О тварей есте-
ство!
Монархини моей вы нраву подра-
жайте,
И гласу моему со кротостью вни-
майте.*

*Уже освобожден от варвар был
Азов;*

До Меотиских Дон свободно тек
валов,
Нося ужасный флот в струях к
пучине Черной,
Что создан в скорости Петром
неимоверной.
Уже великая покоилась Москва,
Избыв от лютого злодеев суров-
ства:
Бунтующих стрельцов достойной
после казни
Простерла вне свой меч без внут-
ренней боязни.
От дерзкой наглости разгневан-
ным Петром
Воздвигся в западе войны ужасной
гром.
От Нарвской обуяв сомнительной
победы,
Шатались мыслями и войск похо-
дом шведы.
Монарх наш от Москвы простер
свой быстрый ход
К любезным берегам полночных
белых вод,
Где прежде меж валов душа в нем
веселилась
И больше к плаванью в нем жаж-

да воспалилась.
О коль ты счастлива, великая
Двина,
Что славным шествием его освя-
щена:
Ты тем всех выше рек, что, устья-
ми своими
Сливаясь в сонм един со безднами
морскими,
Открыла посреде играющих валов
Других всех прежде струй пучине
зрак Петров.
О холмы красные и острова зеле-
ны,
Как радовались вы сим счастьем
восхищенны!
Что поздно я на вас, что поздно я
рожден,
И тем толикого веселия лишен?
Не зрех, как он сиял величеством
над вами
И шествовал по вам пред новыми
полками;
Как новы крепости и новы кораб-
ли,
Ужасные врагам в волнах и на
земли,
Смотрел и утверждал противу

их набегу,
Грозящему бедой Архангельскому
брегу:
Дабы российскую тем силу разде-
лить,
От ингерских градов осады отвра-
тить.
Но вдруг пришествия Петрова в
север слухом
Смутясь, пустились вспять уны-
лы, томны духом.

Уже белея понт перед Петром ки-
пит,
И влага уступить, шумя, ему спе-
шит.
Там вместо чаянных бореи фла-
гов шведских
Российские в зыбях взвевали Соло-
вецких.
Закрылись крайние пучиною леса;
Лишь с морем видны вокруг слиян-
ны небеса.
Тут ветры сильные, имея флот во
власти,
Со всех сторон сложась к поги-
бельной напасти,
На запад и на юг, на север и во-

сток

Стремятся и вертят мглу, влагу
и песок:

Перуны мрак густой, сверкая, раз-
деляют,

И громы с шумом вод свой треск
соединяют:

Меж морем рушился и воздухом
предел;

Дождю навстречу дождь с кипя-
щих волн летел;

В сердцах великий страх сугубят
скрыпом снасти.

Герой наш посреде великия напа-
сти

И взором и речью смутившихся
крепит,

Сквозь грозный стон стихий к
бледнеющему гласит

«Мужайтесь: промысл нас небес-
ный искушает,

К трудам и к крепости на предки
ободряет.

Всяк делу своему со тщанием вни-
май:

Опасности сея бог скоро пошлет
край».

От гласа в грудь пловцам кровь

теплая влиялась,
И буря в ярости кротчае показалась.

Я мышлю, что тогда сокрыта в
море мочь,
Желая отворотить набег против-
ных прочь,
Толь страшну бурю им на пагубу
воздвигла.
Что в плаваньи Петра нечаянно
постигла,

О вы, рачители и слушатели слов,
В которых подвиг вам приятен
есть Петров,
Едина истина возлюбленна и
сродна,
От вымыслов краса парнасских
неудобна,
Позвольте между тем, чтоб сла-
ба мысль моя
И голос опочил, труды его поя,
В Кастальски роци я не с тем се-
бя склоняю,
Что оным там сыскать красу и
силу чаю:
Ключи, источники, долины и цве-

ты
Не могут дел его умножить крас-
соты;
Собой они красны, собой они вели-
ки,
Отважась в долгий путь, где
трудности толики,
Ищу, чтоб иногда иметь себе по-
кой;
В убежища сии склонитесь вы со
мною,
Дабы яснее зреть с высоких мест
и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в
бедах ужасных
И славы истинной в блистающих
лучах.
Какое зрение мечтается в очах?
Я на земли стою, но страхом ко-
лебаюсь
И чаю, что в водах свирепых по-
гружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется
гора,
Что с ревом падает обрушась на
Петра.

Но промысл в глубину десницу

простирает:

Оковы тяжкие вдруг буря ощущает.

Как в равных разбежась свирепый конь полях

Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах;

Однако, доскакав до высоты крутыя,

Вздохнув кончает бег, льет токи потовые.

Так север, укротясь, впоследствии восстенал.

По усталым валам понт пену растилал;

Исчезли облака; сквозь воздух в юге чистый

Открылись два холма и береги лесисты.

Меж ними кораблям в залив отверзся вход,

Убежище пловцам от беспокойных вод;

Где в мокрых берегах, крутясь, печальна Уна,

Медлительно течет в объятия Нептуна.

В числе российских рек безвестна

и мала,
Но предков роком злым Петровых
прослыла:
Когда коварного свирепством Го-
дунова
Кипела пролита невинных кровь
багрова,
Как праотцев его он в север зато-
чил,
Во влажном месте сем, о злоба!
уморил.
Сошел на берег Петр и ободрил
стопами
Места, обмоченны Романовых
слезами.
Подвиглись береги, зря в славе
оных род.
Меж тем способный ветер в свой
путь сзывает флот.
Он легким к западу дыханьем по-
спешает
И мелких волн вокруг себя не ощу-
щает.
Тогда плывущим Петр на полночь
указал,
В спокойном плаванье сии слова
вещал:
«Какая похвала российскому наро-

ду
Судьбой дана пройти покрыту
льдами воду.
Хотя там кажется поставлен
плыть предел,
Но бодрость подают примеры
славных дел.
Полденный света край обшел от-
важный Гама,
И солнцева достиг, что мнила
древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магел-
лан
Коль много обрели безвестных
прежде стран;
Подвигнуты хвалою, исполненны
надежды,
Которой лишены пугливые невеж-
ды,
Презрели робость их, роптанье и
упор,
Что в них произвели болезни, го-
лод, мор.
Иное небо там и новые светила,
Там полдень в севере, ина в магни-
те сила.
Бездонный океан травой, как луг,
покрыт;

Погибель в ночь и в день со всех
сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина
страшнее,
Что портит в жилах кровь свире-
ных ядов злее.
Лишает долгий зной здоровья и
ума,
А стужа в севере ничтожит вред
сама.
Сам лед, что кажется толь гро-
зен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам
безопасен.
Колумбы росские, презрев угрю-
мый рок,
Меж льдами новый путь отво-
рят на восток,
И наша достигнет в Америку дер-
жава,
Но ныне настоит в войнах иная
слава».
Надежды полный взгляд слова его
скончал,
И бодрый дух к трудам на всем
лице сиял.

Достигло дневное до полночи све-

тило,
Но в глубине лица горящего не
скрыло,
Как пламенна гора казалось меж
валов
И простирало блеск багровый из-
за льдов.
Среди пречудныя при ясном солн-
це ночи
Верхи золотых зыбей пловцам свер-
кают в очи.
От севера стада морских прихо-
дят чуд
И воду вихрями крутят и кверху
бьют,
Предшествуя царю пространный
пучины,
Что двинулся к Петру, ошибкою
повинный,
Из глубины своей, где царствует
на дне.
В недосыгаемой от смертных
стороне,
Между высокими камнистыми
горами,
Что мы по зрению обыкли звать
мелями,
Покрытый золотым песком про-

стерся дол;
На том сего царя палаты и престол.
Столпы округ его – огромные кристаллы,
По коим обвилились прекрасные кораллы;
Главы их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги меж туч густых,
Что кажет, укротясь, нам громова
буря;
Помост из аспида и чистого лазу-
ря.
Палаты из одной иссечены горы;
Верхи – под чешуей великих рыб бугры;
Уборы внутренни – покров черепо-
кожных,
Бесчисленных зверей, во глубине
возможных.
Там трон – жемчугами усыпан-
ный янтарь;
На нем сидит, волнам седым по-
добен, царь;
В заливы, в океан десницу прости-
рает,

Сафирным скипетром водам повелевает.

Одежда царская – порфира и виссон,

Что сильные моря несут ему пред трон.

Ни мразы, ни борей туда не достают,

Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникают.

От хлябей сих и бездн владетель вод возник;

Воздвигли радостный морские птицы клик.

Он вслед к плывущему герою обратился

И новости судов Петровых удивился:

«Твои, – сказал, – моря, над ними царствуй век;

Тебе течение пространных тесно рек:

Построй великий флот; поставь в пучине стены».

Скончали пением сей глас его сирены.

То было, либо так быть надобно б сему,

Что должен океан монарху своему.

Уже на западе восточными лучами
Открылся освещен с высокими
верхами
Пречудных стен округ, из диких
камней град,
Где вольны пленники, спасаясь, сидят,
От мира отделясь и морем и святыней,
Пример отеческих от древних
лет пустыней,
Лишь только лишены приятнейших
плодов
От древ, что подают и пищу и покров:
Не может произвести короткое
их лето;
Снегами в прочи дни лице земли
одето.
Сквозь мрак и сквозь туман,
сквозь буйных ветров шум
Восходит к небесам поющих глас
и ум.
К сим строгим берегам великий

Петр приходит,
Внимательный свой взор на зда-
ния возводит.
Из каменных бугров воздвигнута
стена,
Водами ото всех сторон окруже-
на,
Его и воинов с веселием прием-
лет;
Стрельбе и пению пустыня купно
внемлет.
Навстречу с ликом Фирс, усерд-
ствуя, спешит,
И, гостя осенив, в восторге гово-
рит:
«Благословен твой путь всевыш-
него рукою:
Могущество его предходит пред
тобою.
Он к сей с высот своих обители
смотря,
О имени своем возвеселит царя.
Живущия его в сем месте благо-
дати
Причастны новые твои да будут
рати».
Монарх, от промысла избранный
человек,

Вменил, что перед ним стоит
Мельхиседек,
Победы прежние его благословля-
ет
И к новым торжествам духовно
ободряет.

Монарх, почтив труды и знаки
чудных дел,
Строение вокруг и место осмот-
рел,
Спросил наставника: «Кто сими
вас горами
Толь крепко оградил, поставя их
руками?
Великий Иоанн, твой сродник и
пример,
Что россов превознес и злых ага-
рян стер.
Он, жертву принося за помощь в
бранях богу,
Меж прочими и здесь дал мило-
стыню многу:
Пятьсот изменников пойманных
татар,
Им в казнь обители прислал до
смерти в дар.
Работою их рук сии воздвиглись

стены
И, праотцев твоих усердием снаб-
денны,
В холодной сей стране от бурь по-
кров дают,
Безмолвно бдение и безнаветен
труд».

Сие в ответ дал Фирс и, указав на
следы,
Где церковь над врагом семь лет
ждала победы,
Сказал: «Здесь каменны перед
стеной валы
Насыпаны против раскола и хулы.
Желая ереси исторгнуть, твой ро-
дитель
Исправить церкви чин послал в
сию обитель;
Но грубых тех невежд в надеж-
ных толь стенах
Не преклонил ни глад, ни долж-
ной казни страх.
Крепились, мнимыми прельщенны
чудесами,
Не двинулись своих кровавыми
струями,
Пока упрямство их унижил божий
суд,

Уже в церковной все послушности
живут».

Монарх воспомянул, коль много
от раскола
Простерлось наглостей и к высоте
престола,
Вздыхнув, повествовал ужасную
напасть
И властолюбную Софии хитрой
страсть.

Ах, музы, как мне петь? Я тех ли-
шу покою,
Которых сродники, развращены
мечтою,
Не тщились за Петром в благо-
словенный путь,
Но тщетно мыслили против его
дерзнуть.
Представив злобу, их гнушаюсь и
жалею,
Что род их огорчу невинностью
своею!

Какой бодрит меня и луч, и жар, и шум
И гонит в скорости смущенных

тучу дум?

С прекрасной высоты, с великого
Парнасса

Наполнился мой слух пронзающе-
го гласа.

Минерва, Аполлон и девять сестр
зовут

И нудят совершить священный
спешно труд:

«Ты хочешь в землю скрыть вру-
ченно смысла золото?»

Мы петь тебе велим; и что ве-
лим, то свято».

Уже с горы глашу богинь великих
власть:

В спокойстве чтите вы предпи-
санную часть.

Когда похвальных дел вы ходите
по следу,

Не подражая в зле ни сроднику, ни
деду,

Когда противна вам неправда,
злоба, лесть

И в сердце царствует правди-
вость, совесть, честь,

Премена зла в добро явится дело
чудно,

И за попрек хвалу вам заслужить

не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами
отцев,
Отнюдь отеческих достоинств
не имев,
Не мните о себе, когда их похва-
ляю:
Не вас, заслуги их по правде про-
славляю,
Ни злости не страшусь, ни тре-
бую добра:
Не ради вас пою, для правды, для
Петра.

Пять крат против меня, он ска-
зывал, восстала
И царствовать сестра чрез кровь
мою искала.
Измена с злобою, на жизнь мою
сложась,
В завесу святости притворной об-
вилась,
Противников добру крепила злы
советы,
На сродников моих и на меня на-
веты.
Перед кончиною мой старший
брат, признав,

Что средний в силах слаб и внут-
ренне не здоров,
Способность предпочел есте-
ственному праву
И мне препоручил Российскую дер-
жаву.
Сестра под образом, чтоб брат
был защищен
И купно на престол со мною поса-
жден,
В нем слабость, а во мне дни дет-
ски презирала
И руку хищную к державе прости-
рала.
Но прежде, притворись, состави-
ла совет,
К которому бояр и все чины зовет
И церкви твердого столпа Иоаки-
ма;
Душа его была от ней непобеди-
ма.
Коварную начав с притворной
скорбью речь,
Свои принудила и прочих слезы
течь:
«Когда любезного Феодора лиши-
лись,
В какой печали мы, о небо, погру-

зились!

Но сверх той вопиет естествен-
ный закон,

Что меньший старшему отъем-
лет брату трон.

Стрельцы и весь народ себя воору-
жают

И общей пагубой России угрожа-
ют.

Все ропщут: для чего обойден
Иоанн:

Возложат на него убийством
царский сан!»

Познав такую злость, ответ-
ствовал святитель:

«От жизни отходя, и брат твой и
родитель

Избрание Петра препоручили
нам:

Мы следовали их монаршеским
словам».

Несклонного сего ответа ради
гневна,

«С народом выбирать, – сказала
им царица, –

С народом выбирать, не запер-
шись в чертог,

Повелевает вам и общество и

бог».

Толстой к Софиину и Милославской слову,
По особливому сошедшиися зову,
Согласно, дерзостно поборствова-
ли ей,
Что нет правдивее премудрых сих
речей.

Иоаким со всем представил купно
лицом:

«Мы избрали Петра и сердцем и
языком.

Ему здесь вручена державы выш-
ней часть;

С престола низвести уже не наша
власть».

София, видя их против себя упор-
ство,

Склонила замыслов к иной стезе
проворство.

В надежде досягнуть своих жела-
ний злых,

Совет дала венчать на царство
обоих.

Однако патриарх отнюд не коле-
бался

И сими от того словами отка-
зался:

«Опасно в обществе многоначаль-
ству быть,
И бог мне не велел того благосло-
вить».

И так восстав, от ней с свящи-
телями отходит.

Софию страсть владеть в бесчув-
ственность приводит.

Делят на скопищах Москву бун-
товщики,

Готовясь ток пролить кровавья
реки.

Предходит бешенство и наглость
и буянство,

И едка ненависть, и вожд раздо-
ров, пьянство:

Обсели улицы, торги и ворота;
На расхищение расписаны места.

Без сна был злобный скоп, не за-
творяя ока,

Лишь спит незлобие, не зная близ-
ко рока.

Открылся тайный ков, когда ис-
чезла тень;

Багровая заря кровавый вводит
день.

Наруж выходит, что умыслила

София
И что советники ее велели злые.
Уже изменники стрельцы сбежали
в строй
И Милославского орудие – Толстой;
Толстой в бунтующих шеренгах
разъезжает
И дерзких ложными словами поощряет.
Кричит, что Иоанн, младый царь,
удушен
Нарышкиными, ах! толь горько
умерщвлен.
Тогда, свирепствуя, жестокие тираны
Ударили везде в набат и в барабаны.
Светило вешних дней, Оставляя высоту,
Девятого часа скрывало красоту.
Внезапно в ужасе Москва зрит
изумленна
Оружие на Кремль спешаще и знамена.
Колеса тяжкие под пушками
скрывают,
Глаза отчаянных кровавые горят.

Лишь дому царского, что должны
читать, достигли,
Как звери дикие, рыкание воздвиг-
ли,
На месть спешите нам Нарышки-
ных отдать,
Или мы станем всех бить, гра-
бить и терзать.
Бояре старшие Матвеев, Долгору-
кой,
Представ, давали в том стрель-
цам себя порукой,
Что все волнуются напрасно обу-
яв;
Что Иоанн с Петром без повре-
ждения здоров
И только лишь о сем смущении
печален.
Сим словом дерзкий бунт был
несколько умален:
Все ждали, чтобы им младых ца-
рей узреть
И, в дома возвратись, спокой-
ствие иметь.
Увидев из своих чертогов то, Со-
фия,
Что пресекаются ее коварства
злые,

Подгнету буйности велела дать
вина,
Чтоб, снова воспылав, горела
внутри война.
Тут, вскоре разъярясь, стрельцы,
как звери дики,
Возобновили шум убийственной
музыки:
Подобно как бы всю Москву съе-
дал пожар.
Царица, мать моя, прошением бо-
яр
Для утоления всеобщия напасти
Презрев толь близкий рок, презрев
горящи страсти,
Выводит нас с собой на красное
крыльцо.
Опасность, слезы, гнев покрыл ее
лицо;
И брата и меня злодеям показала
И, чтоб покоились, со властью
увещала.
Толпами наглые наверх взбегали к
нам,
И мы ль то? кликали обейх по
именам.
Обличены вконец и правдой и при-
сутством,

Хотят оставить злость непра-
ведну с бесстудством,
И часть бунтующих в обратный
бьют поход.
Царевна, усмотрев, что тихнет
злобный род,
Коварство новое в погибель со-
ставляет
И искры яркие в сердца стрельцам
всыпает,
Сказав им собственну опасность
и боязнь,
Что завтра лютая самих постиг-
нет казнь
И те им отомстят, что ныне в
оных воле:
Пропущены часы не возвратятся
боле.
Как на полях пожар в начале уту-
шен,
Но вдруг дыханием из пепла ожив-
лен,
Сухой тростник траву в дни лет-
ни поядает,
И пламень слабые препятства
превышает,
Подобно так стрельцы, страх с
лютостью смешав

И поощрением злодейским воспы-
лав,
В чертоги царские насильно
устремилась,
Убийством, наглостью неустово
вломилась.
Царица, мать моя, среди такого
зла,
Среди отчаянья едва спастись
могла,
Где праотцев престол, в палату
грановиту,
Ко святости его и к вышнему в за-
щиту.
В чертогах жалкий стон, терза-
нье и грабеж,
И раздаётся крик: коли, руби и
режь.
Одни Софины покои лишь свобод-
ны
И двери варварам бунтующим
невходны.
Для убиения ненужен был в них
иск:
На сродников моих направлен был
их рыск.
Внезапно больший шум сердца в
нас утесняет:

*В злодейственных руках Нарышкин
возрыдает.*

*Не мог его закрыть и жертвенник
святой.*

Летит на копья повержен с высоты.

*Текущу видя кровь, рыкают: любо,
любо!*

*Пронзенного подняв, сие гласят
сугубо.*

*Сего невинный дух предтеча к
небесам*

*Оставил тленну часть неистовым
врагам.*

Немедленно мечи сверкают обнаженны,

*И раздробляются трепещущие
члены!*

*Царицей посланных к стрельцам
увещевать,*

*Чтоб, кровь сию пролив, престали
бунтовать.*

Подобной лютостью злодеи похищают,

*На копья с крыльца, низвергнув,
прободают.*

Старейших стольников и знатнейших бояр

Подобный умертвил судьбины
злой удар.

Там Ромодановской, о горькая
кончина!

В последний раз взглянул на
страждущего сына.

Там Долгорукого почтенный сан и
вид

Меж членами других окровавлен
лежит.

И красноречием несчастливый
Матвеев,

Которого речью пронзалась
грудь злодеев,

Убит; но в смерти жив: что блед-
ная глава

Движеньем кажет уст несконча-
ны слова.

Коль много после них невинно по-
страдали:

С царицыных очей злодеи дерзко
брали,

На незаконную влекли бесчестно
казнь!

Скончался лютый день, осталася
боязнь.

О скорбный лютый день и варвар-

ством ужасный,
День мне и сродникам для пагубы
опасный!
Не помрачился он, как дерзост-
ный Борис,
Сей смертоносный змей Димит-
рия угрыз,
Когда убивец злой вертел в горта-
ни жало
И сердце материе, отчаясь, обми-
рало.
Мне чувства изострил мой соб-
ственный пример,
Лишь вспомню, вижу я, как злит-
ся изувер.
В младенческом уме взор лютый
вкоренился,
И ныне, вспомянув, я духом возму-
тился:
Волнуется во мне о том со гне-
вом страх,
Как рождъшая меня, держа в сво-
их руках,
Мой верх и грудь свою слезами об-
мывала,
Последнего часа, бледнея, ожида-
ла;
Когда бесчувственный в продержо-

сти злодей,
Гортани копием касаяся моей,
Ревел: скажи, где брат; или тебя
и сына
Постигнет в миг один последняя
година.
О промысл! В оный час ты чудо
сотворил;
Злодейску руку прочь злодейской
отвратил,
Из жаждущих моей погибели сус-
кался,
Кто б о моем тогда ж спасении
старался.

В то время с Федором и Марте-
мьяном Лев,
По селам странствуя, скрывались
меж дерев,
Вообразив своих невинну страсть,
рыдали
И собственную смерть всечасно
представляли.
Тогда почтенный муж при старо-
сти Кирил
Последни дед мой дни в затворах
тесных крыл,
Других, не своего терзания боялся,

Что б крови ток сынов пред ним
не проливался.

В отчаяньи, в тоске, в стенании
без сна,
Подобна смерти ночь тогда про-
возведена.

Стрегущих зверский взор и оса-
жденных бледность
Изображали вдруг насилие и бед-
ность.

Злодейской вольностью пленен-
ная Москва

Казалась в пропасти погребена
жива.

Как неусыпный червь, тоска всем
грызла груди,

Но с светом больше скорбь почув-
ствовали люди.

Везде тревогу бьют: мятежниче-
ский крик,

Наполнив слезный град, до обла-
ков достиг.

Рыканья зверские неустово возно-
сят,

Нарышкина на смерть, ярьась,
Ивана просят.

Грозят, что скоро всех постиг-

нет строгий рок,
Прольется по Москве и слез и кро-
ви ток.

Но не дошла еще несчастного го-
дина,
Еще на день тоску оставила судь-
бина.

По граду из Кремля рассыпался
мятеж:

В рядах, в домах, в церквах насиль-
ство и грабеж.

Там жадность с наглостью на
зло соединилась

И к расхищению богатства
устремилась.

Презрение святынь, позор почтен-
ных лиц,

Укоры знатных жен, ругатель-
ства девиц

Лишение всего богатства превы-
шали:

В сердцах правдивых стыд прев-
сходит все печали.

Коль вечера сего благословен был
мрак,

Что буйство прекратил и скрыл
злодеев зрак.

Уже, отяготись весь день питьем
излишним
И из несчастливых домов богат-
ством хищным,
Шатаются, спешат своих до-
стигнуть нор.
Градски врата блюдет их стража
и запор.

Царевна, усмотрев, что время
протекает,
А умысел ее конца не достигает,
Стрельцам назавтрее велела при-
ступить
И, наглость с ковом злым начав
соединять,
К царице шлет больших бояр для
уговору,
Чтоб брата и отца стрельцам
дала без спору.
«Уже чинят приступ ко красному
крыльцу:
Без выдачи не быть смятения
концу».
Для уважения в совете слов бояр-
ских
Представила особ опасность госу-
дарских.

Нарочно якобы для утоленья зла
Сама в родившия меня чертог
пришла.

«Для собственной твоей и для де-
тей избавы

Свирепы укроти стрельцов, – ска-
зала, – нравы,

Спаси себя и их, опасность отло-
жи

И брата и отца для миру покажи.

Здесь дом спасителей защита
есть велика.

Кто смеет их отнять от божес-
ского лика?»

Последуя судьбе и льстивым толь
словам,

Из потаенных мест Нарышкин
входит в храм,

В слезах святой олтарь целует и
объемлет

И службе божией усердным духом
внемлет,

Готовится принять страдальче-
ский конец.

«Невинность, – говорит, – рассу-
дит сам творец».

Тут руки мать моя царевнины
лобзая,

Для братней пагубы всечасно об-
мирая,
Рыданием спюю перерывала речь,
Иссякнув, не могли уж слезы
больше течь:
«Для отческой к тебе супружней
мне любви
Не проливай еще моей невинной
крови.
Представь, что сей по мне и Алек-
сею брат
И дядя и отец его оставших чад».
София следоватъ велела за собою
Нарышкину к стрельцам, подняв
его рукою,
С притворной жалостью. Царица
от тоски
Держалася другой Ивановой руки.
Как волки хищные, на агнца на-
скочили,
Стрельцы невинного внезапно
ухватили,
Презрев царицыных и власть и
святость рук,
Бесчестно за власы влекут на го-
рестъ мук.
Меж тем сестра себя пред чер-
нью извиняла,

Что братьей кровью сей от смерти избавляла.

Царица вне себя, не зная, что отец

В отсутствие ее неволей стал чернец,

Полуумершим вслед на брата смотрит взором,

Терпящего толь зло мучение с позором.

Несчастливого на торг злодеи привлекли

И ложны клеветы, оставя стыд, взвели,

Что будто по своей он безрассудной страсти

Монаршеской искал продерзостию власти.

Без доказателей потом его терзав,

На копья подняли и кинули стремглав;

Отсекли варварски и руки и главу. По злости слышат все в народе

уж молву.

Там верные рабы преступникам грозили:

«Вы горьку казнь себе изменой за-

служили.

Вас мстительный пожрет
неукосненно меч,
И крови, как воде, достойно вашей
течь.

Начала только ждем: велика вся
Россия

Исторгнет корень ваш за возму-
щенья злые».

Стрельцы хотя рабам сулили
дать свободу

И, крепости подрав, сказали то
народу,

Однако никакой не следовал успех.
Уже уразумев, что трудно

встать на всех,
Свирепость праздником всеоб-
щим окончали,

На царство брата вдруг со мною
увенчали.

София воздала преступным мзду
и честь,

И грамоты Москвой на злых гла-
вах пронести

Велела в торжестве, чтоб
скрыть свои затеи:

Безвинные звались по смерти их
злодеи.

Побитых имена читались на
столпах
И верным отчеству в сердца вли-
вали страх.

Едва сей бурный вихрь несчастьем
укротился
И я в спокойствии к наукам обра-
тился,
Искал, где знания сияет ясный
луч,
Другая мне гроза и мрак сгущен-
ных туч
От суеверия и грубости восходит
И видом святости сугубой страх
наводит.
Ты ведаешь раскол, что начал Ав-
вакум
И пустосвят злодей, его сообщник
дум.
Невежество почет за святость
старой веры,
Пристали ко стрельцам ханжи и
лицемеры:
Хованской с сыновьями, и мой и
церкви враг,
Не устыдился быть в совете по-
бродяг.

Здесь камни сношены к стенам
на Капитонов;
Там камни бросаны против свя-
тых законов.
О церковь! О святынь исполнен-
ный алтарь!
О как дерзнула к вам коснуться
злобна тварь!
Не можно их почесть в сообще-
стве словесных,
Что смысл и совесть их и честь в
пределах тесных.

Приносит службы долг муж свят
Иоаким;
Мятежники вошли в храм сонми-
щем своим
К лицу святителя для вредного
раздора,
Скрывая крамолу под именем со-
бора.
Когда от дерзости их кротко от-
вращал
И мирный разговор о вере обещал,
Ты волк, ты хищник злой, бес-
стыдно с шумом лают
И камнем в него и в клир его
бросают.

От наглых патриарх тогда ере-
тиков
К монархам принужден скло-
ниться был в покров.

Песнь вторая

Сокращение

От Белого моря путешествуя, Петр Великий, к Шлиссельбургу через Олонец, осматривает горы; и приметив признаки руд и целебных вод, намеряется основать заводы, чтобы в близости производить металлы для новых войск и для флота. Нестройность Ладожского озера, пожирающего волнами снаряды и припасы, нужные к предприемлемому строению нового великого города и корабельной пристани на Балтийском море, подает ему мысль соединить Волхов с Невою впрעד великим каналом. Между тем Шлиссельбургская крепость уже в осаде окружена новыми его войсками и огнестрельными орудиями приведена в крайнее утеснение. Женский пол присылают из города просить о выпуске, на что отказано: российское-де войско не затем город обступило, чтобы жен разлучить с мужьями. Между тем по учиненному пригото-

лению дан знак к приступу. Мужественному и сильному нападению неприятель противится весьма упорно. Государь, увидев, что у приступающих к городу лествицы коротки, и шведы, обороняясь храбро, причиняют немалый вред россиянам, послал с указом отступить назад, чтобы после с новыми лествицами наступление учинить благополучнее. Посланному главный предводитель на приступе князь Голицын отвечивал, что уже большая трудность преодолена; а если снова приступ начинать, то больше людей потерять должно. После того вскоре, чиненным разорванным бревном сброшен с приступной лествицы, упал за-мертво на землю. Между тем почти без предводительства россияне на город стали всходить; и шведы, спасения отчаясь, подают знак к сдаче. По вступлении оных выпущены из города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

О, войско славное, потомки тех
героев,
Что, следуя Петру по жатве мно-
гих боев,
Торжественные в век приобрели

венцы,
Отечество в земны Прославили
концы.
Я вашим мужеством в труде сем
ободряюсь
И сердцем и умом меж вами об-
рацаюсь:
Воюйте счастливо, сравните
честь свою
Со предков похвалой, которую
пою.
Военны подвиги Петровы начи-
наю,
В отцах и в дедах вам примеры
представляю.
Неустранимость их изобразит
мой глас,
Что чувствуете вы наследствен-
ную в вас.
Ступая мужески в похвальные их
следы,
Монархине своей приносите побе-
ды,
Где ваш оружный звук восходит
до небес
И по путям везде растет лавро-
вый лес.
Там Немень с Преглою, там Вис-

ла, Одра, Шпроя,
Живое ваших дел мечтание имея,
Текут с почтением, как при Петре текли,
Где с трепетом его встречали короли.
И реки и поля вам к вечной славе
двери
Отверзли, чувствуя его в великой
дщери.
Противные страны геройством и
трудом
Вы в собственный себе преобразили дом.
И солнце, к нам спеша в обратной
колеснице,
Готовит новый блеск российской
багрянице,
Чтоб нашей радостью украсить
новый год,
Вторично угобзить успехами поход.
Дыханья нежные, рожденные весной,
Повеют, бодрому споспешествуя
строю;
Прохладная роса от благовонных
трав

К отраде вам прольет обилие забав.

Богатые плоды в дни летние пожните,

Монархине своей сторичный принесите.

Завистникам своим не оставляйте зерн,

Оставьте плевы им, сухой тростник и терн,

Чтоб, чувствуя в груди язвление их, злоба

Несноснее почла затворов мрачных гроба;

Чтоб, гордостью своей наказанный, Берлин

Для беспокойства царств не умышлял причин,

И помнил бы, что Петр ему был оборона;

Его десницею удержана корона,

Чем ныне красится среди земных владык:

Великим он Петром на свете стал велик.

Всех ныне дел его имеет дщерь наследство:

Пусть Карловых он дней себе пред-

ставит бедство.
О коль бы в жизни я благополучен
был,
Когда бы действие усердых ваших
сил
Изобразив в водах прохладной Ип-
покренны,
Воспел с подвижники Петровыми
сравнении,
Елисаветиных певцем бы стал по-
бед;
Но ныне труд Петров к себе мой
дух влечет.

Где Ладога в Неву вливает быст-
ры воды,
Стеною огражден тут остров в
древни годы.
Российска сей оплот поставила
рука.
С негодованием шумела вокруг ре-
ка,
Что проливалась в чужую власть
насильно;
Спасенна ныне к нам несет дары
обильно.
Во влаге начертав Петрова града
вид,

Что красит дочь его, покоит и
живит.

Блаженные струи брег туком на-
паяют,

Прохладной влагой всю окрест-
ность ободряют,

Защитникам своим похвальный
внемлют стих,

Всю тягость позабыв отвержен-
ных вериг.

В несчастье некогда Россия утом-
ленна

Вечерних сих берегов крушилася
лишенна,

Как готские полки, для помощи
пришед,

В противность нанесли странам
российским вред;

Как тягость сил своих Москву по-
вергла книзу;

Дряхлея, сетуя, оделась в мрачну
ризу.

Лишенна красоты монаршего вен-
ца,

Злосчастью своему не видела кон-
ца.

Измена, зависть, злость, раздор,

братоубиство

*Преобратили все в погибель, в кро-
вопитство.*

*Исчезло истинных рачение по-
хвал,*

*Везде свирепый рок отечество
терзал;*

*Пока Пожарского и Трубецкого
ревность,*

*Смотря на праотцев, на славу
россов древность,*

*Пресекла, наконец, победою на-
пасть,*

*И обществом дана Петрову деду
власть.*

*Младый монарх во град повержен-
ный приходит*

*И на развалины плачевный взор
возводит.*

*Отрада россов всех по скорби, Ми-
хаил,*

*О как крушился ты, рыдал и слезы
лил!*

*Что мыслил ты, ступив на высо-
ту престола,*

*Стоящего среди плачевного всем
дола?*

Там храмов божиих старинный

труд верхи
По стогнам и по рвам повергнули
враги.
Еще восходит дым от хищного
пожара,
И воздух огустел от побоев
пара.
На торжищах пустых порос ко-
лючий терн,
Печальный Кремль стоит окро-
вавлен и черн.
Чертоги царские, церковные свя-
тыни
Подобно сетуют, как скучные пу-
стыни.
О, горесть! Но твоя великая душа,
В геройской младости утешить
нас спеша,
Присутствием и трудом печаль-
ных ободряет,
Отечество из бездн глубоких воз-
двигает.
К приумножению благословенных
дней
Наследовал тебе подобный Алек-
сей.
Он россам возвратил старинное
наследство,

*Злодеев истребил и усмирил со-
седство.*

*Обратно приобрести вечерние
страны*

*Петру Великому судьбой поруче-
ны.*

*Уже Ореховец стесняется в осаде
И в каменной, крепясь, противит-
ся громаде,*

*Российским воинством отвсяду
окружен;*

*Но, готской гордостью в надежде
вознесен,*

*На бреги, на валы, на множество
взирает*

*И, видя новые полки, пренебрега-
ет.*

*К пособству призывать старает-
ся с границ,*

*Поставив знамена на высоте
стрельниц.*

*Тогда Кексгольмская, уразумеv,
Корела*

*К осадным на судах притти не
укоснала.*

*Прибывшим воинством против-
ник подкреплен*

И пищей и ружьем избыточно

снабден,
Все мысли устремил к жестокому отпору,
Надеясь получить от Карла помощь скорую.

Монарх наш, преходя Онежских крутость
Свой проницательный кругом возводит взор
И, видя, что из них исшедшие потоки
Несут из крутизны металлически соки,
Богатства, здоровья являются ключи,
Блестят из мрачных мест сокровищей лучи,
Сказал: «Ты можешь мне произвести, Россия,
Целебны влажности и жилы золотые.
Но ныне для твоей бессмертной похвалы
Спешу против врагов чрез горы и валы.
Железо мне пролей, разженной токи меди:

Пусть мочь твою и жар почув-
ствуют соседи
И вспомнят, сколько нам произве-
ли обид».
Надеждой, ревностью блистал ге-
ройский вид.

Принесши плод, земля лишилась
летней
Разносят бледный лист бурливых
ветров беги;
Летит с крутых верхов на Ладогу
борей,
Дожди и снег и град трясет с се-
дых кудрей.
Наводит на воду глубокие морщи-
ны:
Сквозь мглу ужасен вид нахмурен-
ной пучины.
Смутившись тягостью его за-
мерзлых крыл,
Крутится и кипит с водой на бе-
рег ил.
Волнами свержены, встречают
гору волны
И скачут круг нее, печальных зна-
ков полны:
Между запасами колеблется там

дуб,
Между снарядами пловцев российских труп.
Там кормы, dna судов, рассыпаны,
разбиты,
Монарх, узрев в пути, коль злобен рок несытый,
Вздыхнул из глубины и буре запрещал,
И в сердце положил великий труд канал,
Дабы российской могущею рукою
Потоки Волхова соединить с
Невою.

О реки близкие, но прежде разделенны,
Ликуйте тщанием Петровым сопряжении;
Струями по тому ж играючи песку,
Забудьте древнюю друг о друге тоску.
Вливайте вы себе взаимную отраду,
Благодаря, плоды к его носите граду.

На свой ты, Волхов, рок негодовал
в пути,
Что не в Неву тебе, но в Ладогу
итти
Судьбой поставлено и бурями
терзаться,
И, силы потеряв, едва в нее вли-
ваться.
Коль часто ты вздыхал, чтоб вку-
пе завивать
Струи и в море вдруг течение
скончатъ.
Ты выше берегов, смущаясь, под-
нимался,
То под землей сыскать ход тай-
ный покушался.
Везде против любви поставлен
был оплот:
Не мог ты одолеть ни хлябей, ни
высот,
Пока Великий Петр, презрев упру-
гость рока,
Тебе дал путь, и нам довольство
от востока.

Он оком и умом вокруг места об-
шед,
Избранные полки к Ореховцу ве-

дет.

Животворящему его прихода слуху

От Ладоги в Неву флот следует по суху.

Могущих русских рук не воспящает лес;

Пример изображен тут Ольговых чудес.

Пред Цареградскими высокими стенами

Он по полю в ладьях стремился парусами.

Здесь вместо ветра был усердый наших дух,

И вместо парусов спряженны силы вдруг.

Уже суда, ходя по собственной стихии,

На шведский берег везут защитников России:

Там тысяща мужей, преправясь чрез Неву,

Надежду подают к победам, к торжеству.

На ров, на вал бегут, врагами укрепленный,

Даются шведы в бег, от россос

устрашенны.
И Шереметев, став на оном бере-
гу,
Отвсюду запер путь к спасению
врагу.
Уже к начальнику под крепость
посылает,
Свободный выход всем без бою
обещает,
Что им против Петра не можно
будет стать,
Напрасно кровь хотят отвсюду
проливать,
И сдача города не будет им зазор-
на.
Но готы, помощи надеясь от Гор-
на,
Сказали, от него приказу к сдаче
ждут.
На лживый их ответ громады
вдруг ревут,
Пылают всех сердца присутстви-
ем разженны,
От сил их потряслись упорства
полны стены.
Обширность воздуха курению тес-
на,
И влажная огнем покрыта быст-

рина.

Гортани медные рыгают жар
свирепый;

Пылая, зелие железны рвет закле-
пы.

Представь себе в пример стихий
ужасный спор,

Как внутренность кипит воспа-
мененных гор,

Дым, пепел и смола полдневно яс-
ность кроют,

И выше облаков разженны холмы
воют,

Трещат расседавшись во облачной
воде,

Сугубят гром и страх, сражаясь в
высоте,

Грознее, как в земном ярились
прежде чреве.

В таком трясении, во пламени и
реве

Стоит, отчаявшись, противу рос-
са швед,

В ничто вменяет кровь и презира-
ет вред.

Однако в пагубе, в смятении вели-
ком

Подвигнут женским был рыдани-

ем и криком:
Растрепанны влады и мертвость
бледных лиц
И со младенцами повергшиися
нищ
Мужей к смягчению россиян пре-
клоняют.
Уже из крепости с мольбою при-
сылают:
«Избавьте от страстей, от бед-
ства слабых жен,
И дух ваш на мужчин пусть бу-
дет изощрен.
Из нужной тесноты дозвольте
им свободу;
Являйте мужество крепчайшему
их роду».
От предводителя осады дан от-
вет,
Что толь свирепого у россов нра-
ву нет:
Между супругами не учинят раз-
луки;
Вы, вместе выступив из стен, из-
бавьтесь муки.
С отказом зашумел из жарких
тучей град,
Перуны росские и блещут и разят.

Напрасно издали противны подъ-
езжают

Осадных выручать: ни в чем не
успевают.

Готовится везде кровопролитный
бой,

И остров близ врагов под нашей
стал пятой.

Приемлет лествицы охотная дру-
жина;

Перед очами их победа и кончина.
Иным летучий мост к течению
готов;

Иные знака ждут меж Ладож-
ских валов.

Дивятся издали в стенах градских
пожару,

Призывного на брань не слышав-
ши удару.

Как туча грозная, вися над голо-
вой,

Надута пламенем, сокрывшимся
водой,

Напрягшуюся внутрь едва содер-
жит силу,

Отъемлет, почернев, путь днев-
ному светилу,

Внезапно разрядясь, стесняет
громом слух,
И воздух, двигаясь, в груди стесняет
дух;
Сугубят доли звук и пропасти
глубоки,
И дождь и град шумит, и с гор ре-
вут потоки.
Земля, вода, леса поколебались
так,
Когда из многих вдруг жерл мед-
ных подан знак,
И Ладога на дне во глубинах завы-
ла.
Стоящая на ней самоизвольна си-
ла,
Удара и часа урочного дождав,
Спешит на подвиг свой, на поло-
жение глав;
Им к разным путь смертям те-
чение прекрасно.
Представь себе, мой дух, позорище
ужасно!
От весел шум и скрип, свист ядр
и махин рев
Гласят противникам Петров и
божий гнев.
Они, упрямством злым еще оже-

сточенны,
Покрыв смертельными орудиями
стены,
Судьбину селятся на время от-
вратить
И смертью росскою свою смерть
облегчить.
Как вихри сильные, стесненные
грозою,
Полки российские сперлися пред
стеною.
К приступу Карпов, вождь Преоб-
раженских сил,
Всех прежде начал бой, всех
прежде смерть вкусил
Свинцом лежит пронзен сквозь
чрево и сквозь руку,
Бьючись, дал знать с душой и с
храбростью разлуку.

Сквозь дым, сквозь кровавых свер-
кание мечей
Вперяет бодрых Петр внимание
очей
И лествиц краткость зрит, по-
ставленных к восходу,
В приступе своему губительну на-
роду:

Не могут храбрые стен верху до-
сягнуть,
И тщетно верную противным
ставят грудь,
Стремясь отвратить ражение их
встречно.
О коль велико в нем движение сер-
дечно!
Геройско рвение, досада, гнев и
жаль
И для погибели удалых глав пе-
чаль!
Смотря на воинства упадок бес-
полезный,
К стоящим близ себя возвел зени-
цы слезны:
«Что всуе добрых мне, – сказал, –
сынов губить?»
Голицыну спеша велите отсту-
пить».
Примером показал монарх наш,
что герои
Не радостию чтут кровопролит-
ны бои;
И славных над врагом прибыточ-
ных побед
Покрытый трупами всегда при-
скорбен след.

Меж тем подвижники друг друга
поощряют
И лествиц мужеством корот-
кость дополняют.
Голицын пламенем отсюда окру-
жен,
Сказал: «Мы скоро труд увидим
совершен;
Через отступление от крепости
обратно
В другой еще приступ погибнет
войск двукратно.
И если государь желает город
взять,
Позволил бы нам бой начатый
окончать».
С ответом на стену пред всеми
поспешает,
Солдатам следовать себе повеле-
вает:
«Бесчестен в свете вам и смертен
здесь возврат;
Преславно торжество, конец ваш
будет свят:
Дерзайте мужеством отечество
прославить,
Монарха своего победою поздра-
вить».

На копья, на мечи, на ярость сопостат,
На очевидцу смерть россияне летят.
Противники огнем разят и влажным варом,
Железом, камнями, всех тягостей ударом.
На предводителя поверженно бревно
Свирепым зелием упало разжено.
Он сринут побледнел меж трупами бездушных
И томным оком зрит оружников послушных;
Еще старается дать к твердости приказ,
Еще пресеченный болезнью нудит глас.
Ревнителю его и слову и примеру,
Держа в уме царя, отечество и веру,
Как волны на крутой теснятся дружно брег,
Вспященный крутизной возобновляют бег,
До прежней вышины от низу встав, ярятся,

И скачущих верхи кудрявые кру-
тятся,
Старинных корни древ и тяжки
камни рвут.
Со обеих сторон стоял сомнен-
ный рока суд.

Меж тем ревнительны сердца к
звездам восходят,
Святого с горних мест героя в
мысль приводят.
Поборник Александр издревле сих
берегов
Зрит, грозно ополчен, над ними
на врагов.
Уже высокий всход с землей быть
мнится равен,
И Ярославов сын среди зарей пре-
славен,
Являя сродный зрак Великого
Петра,
Оружием звучит чистейшим се-
ребра,
Святою силою противных устра-
шает,
Россиян важностью десницы
укрепляет.
Защиту древнюю от сильного

плеча,
Броней, копья, щита и шлема и
меча
Вспомянув места, веселый плеск
воздвигли,
Что избавления желанного до-
стигли,
Достигли, наконец, желанных
тех времен,
Что паки Александр для них во-
оружен.

В священной дерзости то пред-
ставляет воин,
По мыслям, по делам бессмертия
достойн,
Высок усердием, надеждою легок,
Чрез мертвые тела на свой сту-
пает рок.
По крепких подвигах, к успеху
неудобных,
И по волнениях, противных и спо-
собных,
Взливается на стен кровавых вы-
соту,
Наводит на врагов боязнь и тес-
ноту.
Наполнился весь град рыдания и

плача.

Уже не нарвская, о готы, вам удача:

Не местничество здесь и не
оплошный Крой,

Не старой брани вид, не без поряд-
ка строй;

Великий правит Петр рожденное
им войско,

И Шереметева рачение геройско
Отмищеньем дышащих бодрит на-
пор сердец.

Увидев крепости в сражении ко-
нец,

Вы неизбежну смерть покор-
ством предварили

И белый к сдаче знак по ветру рас-
пустили.

Умолкнул грозный звук со обеих
сторон,

Лишь слышен раненых плачевный
вой и стон.

Вандалы выпуску с военной че-
стью просят

И городских ворот ключи Петру
приносят,

На победителя в восторге взво-
дят взор
И укрепляют свой о сдаче договор.
Коль радостная там, коль крас-
ная премена!
Уж веют на стенах российские
знамена,
Изображаются, Нева, в твоих
струях.
Тимпанов мирный шум при ра-
достных трубах
Забуть велит сердцам минувших
тучей громы.
И шведы тщатся в путь в свои до-
стигнуть дома.

Обычай воины из древних лет хра-
нят,
Чтоб храбрых почитать по сдаче
сопостат:
Признаки мужества в руках их
оставляют
И славу тем своей победы уважа-
ют.
Победоносец наш жар сердца от-
ложил
И первый кротостью успех свой
посвятил:

Снабдил противников к отше-
ствию судами;
Оставив стену, зрят прискорбны-
ми очами.
Распущены на ветр знамена,
трубный шум
Печальной радостью теснят их
вольный ум.
На волю им пути прискорбны,
стен проломы,
Что отворили им из рук россий-
ских громы.
По грозным толь страстям и по
таком труде
Начало чувствуют предбудущей
беде.

В отечестве сказать сей случай
поспешайте
И побежденны быть от россов
привыкайте.
Скажите ваш домой почтитель-
ный возврат,
Что выпущены вы простран-
ством новых врат.
И Карлу вашему победу возвести-
те,
Что Петр Отечеству и к славе и к

защите
Над вами получив, наследство
возвратил,
И ближе к Швеции простер шум
орлих крил.
Пускай в Германии герой ваш успе-
вает,
Отверсты города свободно про-
текает,
В рожденной счастьем кичливо-
сти своей
Низводит с высоты и взводит ко-
ролей;
Пусть дерзостно спешит, как
буйный ветер, к восток
И приближается к предписанно-
му року.
Не найдет Дария, чтоб Алексан-
дром стать:
Не спорит меж собой, развратна
прежде, рать;
Петрову новому учению послуш-
ны,
Россияне стоят в полках едино-
душны.
Движением своих величественных
сил
Народу новый дух и мужество

вложил.

Восток и океан его послушен слову:

Карл пышностью своей возвысит
честь Петрову.

Разливы Невские на устьях шумят

И течь россиянам во сретенье хоятят.

Там нимфы по берегам в веселии
ликуют,

И в осень зефиры между древами
дуют;

Вменяя, что лице земное расцвело.

Тогда возвел монарх веселое чело
К начальникам своих победоносных
ратных,

Что видит в целости друзей своих
обратных.

Отрада всех живит, стократно
выше бедств.

Отвсюду слышен глас желаний и
приветств:

«Уже нам, государь, твоими в запад
персты

Врата для подвигов торжествен-
ных отверсты;
И промысл дал тебе земли и моря
ключ:
По их обширности распостирай
свой луч.
Нам сносны все труды и не ужас-
ны смерти,
Лишь только бы твоих врагов гор-
дыню стерти,
Отечеству подать довольство,
честь, покой
И просветить народ, как дух же-
лает твой».
Усердным толь речам Петр ра-
достно внимает,
Но, к городским стенам прибли-
жась, вздыхает:
Смотря на разные повержения
тел,
Кому как умереть предписан был
предел,
Прощается у них печальными
устами:
«О други верные, я вашими кровя-
ми
И общих и своих преодолел врагов.
Небесных радуйтесь сподобив-

шись венцов.
Примером с высоты другим по
вас сияйте
И мужество в сердца полкам мо-
им вливайте».
Рыдание конец был жалкой речи
сей,
И манием дал знак к сокрытию
костей.

Чрез стены проходя, от древно-
сти наследии,
Что были долго нам от межусоб-
ства вредны,
Он оком облетел преодоленный
град;
Рассматривает сам все множе-
ство громад.
Между различными едина изваян-
на
Великим именем являет Иоанна.
Сей бодрый государь в Россию пер-
вый ввел
На бранях новый страх земных
громовых стрел.
Неслыханны пред тем и сильные
удары
Почувствовав от нас против себя,

татары

Вовек отчаялись над россами побед:

Скончался с гордостью ордынскою Ахмет.

*Сие старинное орудие военно
В смущенны времена осталось
плененно.*

*На выгоды свои, на знаки наших
бед*

Смотря с веселием, тогда гордился швед.

*Теперь против него обратно
пусть пылают*

*И вместо радости во брани
устрашают.*

Коль многи тягости оружий роковых,

*Что в приступлении вредили нас
и их,*

*Лежат по улицам и бомб и ядер
кучи,*

Наметанные там из грозной россов тучи.

*Меж целыми число расседшихся
громов,*

Что выше сил своих на нас пускали град.

Там потрясенный дом на дом
другой склонился,
Иной, на улицу повержен, разру-
шился.

По всходам, по стенам, по кров-
лям угли, прах
Показывают вид, каков был са-
мый страх.

О смертные, на что вы смертью
спешите?

Что прежде времени вы друг дру-
га губите?

Или ко гробу нет кроме войны пу-
тей?

Везде нас тянет рок насильством
злых когтей!

Коль многи, вышедши из матер-
ней темницы,

Отходят в тот же час в мрак
черныя гробницы!

Иной усмешкою отца повеселил

И очи вдруг пред ним вовеки за-
творил.

Готовому вступить во брачные
чертоги

Пронзает сердце смерть и подсе-
кает ноги.

В середине лучших лет иной,
устроив дом,
Спокойным говорит, льстясь
здрав пребыть, умом:
Отныне поживу и наслаждусь
трудами;
Но час последний был, скончался
со словами.
Коль многи обстоят болезни и бе-
ды,
Которым, человек, всегда подвер-
жен ты!
Кроме что немощи, печали
внутри терзают,
Извне коль многие напасти окру-
жают:
Потопы, бури, мор, отравы, вред-
ный гад,
Трясение земли, свирепы звери,
голод,
Падение домов, и жрущие пожа-
ры,
И град, и молнии гремящие удары.
Болота, лед, пески, земля, вода и
лес
Войну с тобой ведут и высота
небес.
Еще ли ты войной, еще ль не уто-

мился,
И сам против себя вовек воору-
жился?
Но оправдал тебя военным делом
Петр.
Усерд к наукам был, миролюбив и
щедр,
Притом и меч простер и на море
и в поле.
Сомнительно, чем он – войной
иль миром – боле.
Другие в чести храм рвались чрез
ту вступить;
Но ею он желал Россию просве-
тить.
Когда без оныя не ввел к нам про-
свещений,
Не может свет стоять без силь-
ных вооружений.
На устьях Невы его военный звук
Сооружал сей град, воздвигнул
храм наук!
И зданий красота, что ныне воз-
растает,
В оружии свое начало признавает.

Посмотрим мысленно на прежни
времена:

*Народам первенство дает везде
война.*

*Науки с вольностью от зверства
защищает*

*И храбрых мышцею растит и
украшает.*

*Оружие дано природою зверям;
Готовить хитростью судьба ве-
лела нам.*

*Народы дикие, не знаючи науки,
Воюют пращами и напрягают лу-
ки.*

*Открой мне бывшие, о древность,
времена;*

*Ты разности вещей и чудных дел
полна.*

*Тебе их бытие известно все еди-
ной:*

*Что приращению оружия причи-
ной?*

*С натурой сродна ты, а мне нату-
ра мать;*

*В тебе я знания и в оной тщуся ис-
кать.*

*Уже далече зрю в курении и мраке
Нагого тела вид неявственный в*

призраке.

Простерлась в облака великая
глава

И ударяют в слух прерывные сло-
ва:

Так должно древности простой
быть и неясной,
С народов наготой, с нетщанием
согласной!

Велит: «Ты зрение по свету обве-
ди,

Но мест различности и веки рас-
суди

И мысльми обратись на новые на-
роды

(Простерла руку вдаль из облаков
через воды).

Там вместо знания военных всех
наук

Довольна мнится быть едина
твердость рук;

Там знают напрячись коленом и
бедрю,

Нагая грудь и лоб, броня и шлем
есть к бою:

Иные, камни взяв с земли, друг
друга бьют;

Сломив уразину, нагие члены
рвут.

Дреколия концы огнем там при-
жигают

И, заостривши их, противников
пронзают.

Там тучи страшные на воздуха
предел

Терновых, костяных, железных во-
ют стрел.

При накрах движут дух свирели,
барабаны;

И новость стен трясут пороки и
тараны.

Но инде с ужасом трудолюбивый
ум

Услышал для войны огня прилич-
ный шум».

Европа тем гремит, сама в себе
пылая,

Коль часто фурия свирепствует в
ней злая!

Кровавая война от века так те-
чет,

Так хитрость бранная от первых
дней растет.

Рок кровью присудил лице земли
багровить;

Монархам надлежит оружие го-
товить.

Ваш Петр за широту пределов
меч простер;

Блаженству росскому завиствую-
щих стер.

И ныне дочь торжеств бес-
смертность утверждает,
Огней ражение искусством умно-
жает.

Елисаветины военные дела,
Как мирные вовек венчает похва-
ла.

Уже россияне мест дряхлость
очищают,

И рухлость стен стрельниц при-
лежно укрепляют,

Дабы лежащий град восстал и
был готов

Оружие поднять и отворотить
врагов.

Преславный в путь вступил ван-
далов победитель

Во град, где праотцы и храбрый
где родитель

Оставили своих заслуг великих
знак.

*Коль радостен там был Москвы
священный зрак!*

*Но, муза, помолчи, помедли до
трофеев,
Что взяты от врагов и внутрен-
них злодеев:
Безмерно больше труд напредки
настоит;
Тогда представь сея богини свет-
лый вид,*

Письмо о пользе стекла

*Неправо о вещах те думают, Шу-
валов,
Которые стекло чтут ниже ми-
нералов,
Приманчивым лучом блистаю-
щих в глаза:
Не меньше польза в нем, не мень-
ше в нем краса.
Нередко я для той с Парнасских
гор спускаюсь;
И ныне от нее на верх их возвра-
щаюсь,
Пою перед тобой в восторге по-
хвалу
Не камням дорогим, ни злату, но
стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживого я счастья
представляю.
Не должно тленности примером
тое быть,
Чего и сильный огонь не может
разрушить,
Других вещей земных конечный
разделитель;
Стекло им рождено, огонь его ро-*

дитель.

*С натурой некогда он произвесть
хотя*

*Достойное себя и оныя дитя,
Во мрачной глубине, под тяго-
стью земною,*

*Где вечно он живет и борется с
водою,*

*Все силы собрал вдруг и хляби за-
творил,*

*В которы Океан на брань к нему
входил.*

*Напрягся мышцами и рамена по-
двинул,*

*И тяготу земли превыше облак
вскинул.*

*Внезапно черный дым навел гу-
стую тень;*

*И в ночь ужасную переменился
день.*

*Не баснотворного здесь ради Гер-
кулеса*

*Две ночи сложены в едину от Зеве-
са;*

*Но Этна правде сей свидетель веч-
ный нам,*

Которая дала путь чудным сим
родам.

Из ней разженная река текла в пучину,

И свет, отчаясь, мнил, что зрит
свою судьбину!

Но ужасу тому последовал конец:

Довольна чадом мать, доволен
им отец.

Прогнали долгу ночь и жар свой
погасили

И солнцу ясному рождение от-
крыли.

Но что ж от недр земных родясь
произошло?

Любезное дитя, прекрасное стек-
ло.

Увидев, смертные о как ему диви-
лись!

Подобное тому сыскать искус-
ством тщились.

И было в деле сем удачно мастер-
ство:

Превысило своим раченьем есте-
ство.

Тем стало житие на свете нам
счастливо,

Из чистого стекла мы пьем вино

и пиво

*И видим в нем пример бесхит-
ростных сердец:*

*Кого лъзя видеть сквозь, тот под-
линно не лъстец.*

*Стекло в напитках нам не мо-
жет скрыть примесу;*

*И чиста совесть рвет при-
творств гнилу завесу.*

*Но столько ли уже, стекло, тво-
их похвал,*

*Что нам в тебе вино и мед сам
слаще стал?*

*Никак! Сие твоих достоинств
лишь начало,*

*Которы мастерство тебе с при-
родой дало.*

*Исполнен слабостьми наш крат-
кий в мире век;*

*Нередко впадает в болезни чело-
век!*

*Он ищет помощи, хотя спастись
от муки,*

*И жизнь свою продлить врачам
дается в руки.*

*Нередко нам они отраду могут
дать,*

Умеv приличные лекарства пред-
писать;
Лекарства, что в стекле хранят
и составляют,
В стекле одном они безвредны
пребывают.
Мы должны здравия и жизни
часть стеклу:
Какую надлежит ему принести
хвалу!
Хоть вместо оногo замысловаты
хины
Сосуды составлять нашли из чи-
стой глины,
Огромность тяжкую плода ли-
шенных гор
Художеством своим преобратив
в фарфор,
Красой его к себе народы привле-
кают,
Что, плавая, морей свирепость
презирают.

Однако был бы он почти простой
горшок,
Когда бы блеск стекла дать по-
мощи не мог.
Оно вход жидких тел от скважин

отвращает,
Вещей прекрасных вид на нем
изображает.
Имеет от стекла часть крепо-
сти фарфор;
Но тое, что на нем увеселяет
взор,
Сады, гульбы, пиры и все, что есть
прекрасно,
Стекло являет нам приятно, чи-
сто, ясно.

Искусство, коим был прославлен
Апеллес
И коим ныне Рим главу свою воз-
нес,
Коль пользы от стекла приобрело
велики,
Доказывают то финифти, мозаи-
ки,
Которы в век хранят геройских
бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту
девиц;
Чрез множество веков себе подоб-
ны зрятся
И ветхой древности грызенья не
боятся.

Когда неистовый, свирепствуя, бо-
рей,
Стиснывает мразом нас в упруго-
сти своей,
Великой не терпя и строгой пере-
мены,
Скрывает человек себя в толстые
стены.
Он был бы принужден без свету в
них сидеть
Или с дрожанием несносный хлад
терпеть,
Но солнечны лучи он сквозь стек-
ло впускает,
И лютость холода чрез то же
отвращает.
Отворенному вдруг и запертому
быть –
Не то ли мы зовем, что чудеса
творить?
Потом как человек зимой стал
безопасен;
Еще при том желал, чтоб цвел
всегда прекрасен
И в северных странах в снегу зеле-
ный сад,
Цейлон бы посрамил, пренебрегая
хлад.

И удовольствовал он мысли прихотливы,
Зимою за стеклом цветы хранятся живы;
Дают приятный дух, увеселяют взор
И вам, красавицы, хранят себя в убор.

Позволь, любитель муз, я речь свою склоняю
И к нежным сим сердцам на время обращаю.
И музы с оными единого сродства;
Подобна в них краса и нежные слова.
Счастливой младостью твои цветущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стих от оных к сим пренестъ не возбранят.
Прекрасный пол, о коль любезен вам наряд!

Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете ма-

неров;
И коль искусны вы убор переме-
нять,
Чтоб в каждый день себе прият-
ность нову дать.
Но было б ваше все старанье без
успеху,
Наряды ваши бы достойны были
смеху,
Когда б вы в зеркале не видели се-
бя.
Вы вдвое пригожи, стекло употре-
бя.
Когда блестят на вас горящие ал-
мазы,
Двойной кипит в нас жар сугубья
заразы!
Но больше красоты и больше в
них цены,
Когда круг них стеклом цветки
наведены.
Вы кажетесь нам в них приятною
весною,
В цветах наряженной усыпанных
росою.

Во светлых зданиях убранства
таковы.

Но в чем красуетесь, о сельски
нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную
вложила,
Желанья нежны в вас подобна дви-
жет сила;
Вы также украшать желаете се-
бя.
За тем прохладные поля свои лю-
бя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в
них лилеи,
Кладете их на грудь и вяжете
круг шеи.
Таков убор дает вам нежная вес-
на!
Но чем вы краситесь в другие вре-
мена,
Когда, лишась цветов, поля у вас
бледнеют
Или снегами вокруг глубокими бе-
леют,
Без оных что бы вам в нарядах по-
могло,
Когда бы бисеру вам не дало стек-
ло?
Любовников он к вам не меньше
привлекает,

Как блещущий алмаз богатых
уязвляет.

Или еще на вас в нем больше кра-
сота,
Когда любезная в вас светит про-
стота!

Так в бисере стекло, подобясь
жемчугу,
Любимо по всему земному ходит
кругу.
Им красится народ в полунощных
степенях,
Им красится арап на южных бе-
регах.
В Америке живут, мы чаем, про-
стаки,
Что там драгой металл из Среб-
ряной реки
Дают европейскому купечеству
охотно,
И бисеру берут количество
несчетно;
Но тем, я думаю, они разумне
нас,
Что гонят от своих бедам причи-
ну глаз,
Им оны времена не будут в век за-

бвенны,
Как пали их отцы для злата побивенны.
О коль ужасно зло! На то ли человек
В незнаемых морях имел опасный бег,
На то ли, разрушив естественны пределы,
На утлом дереве обшел кругом свет целый,
Затем ли он сошел на красны берега,
Чтоб там себя явить свирепого врага?
По тягостном труде, снесенном на пучине,
Где предал он себя на произвол судьбине,
Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
Военной бурей он внезапно зашумел.
Уже горят царей там древние жилища;
Венцы врагам корысть, и плоть их вранам пища!
И кости предков их из золотых

гробов

Через стены падают к смердящим
трупам в ров!

С перстнями руки прочь и головы
с убранством

Секут несытые и златом и ти-
ранством.

Иных свирепствуя в средину го-
нят гор

Драгой металл изрыть из преглу-
боких нор.

Смятение и страх, оковы, глад и
раны,

Что наложили им в работе их
тираны,

Препятствовали им подземну
хлябь крепить,

Чтоб тягота над ней могла
недвижна быть.

Обрушилась гора: лежат в ней по-
гребенны

Бесчастные! Или поистине бла-
женны,

Что вдруг избегли все бесчеловеч-
ных рук,

Работы тяжкия, ругательства и
мук!

Оставив кастиллан невинность
так попоранну,
С богатством в отчество спе-
шит по Океану,
Надеясь оным всю Европу вдруг
купить.
Но златом волн морских не мож-
но утолить.
Подобный их сердцам борей, под-
няв пучину,
Навел их животу и варварству
кончину,
Погрызли в глубине с сокровищем
своим,
На пищу преданы чудовищам мор-
ским.
То бури, то враги толь часто их
терзали,
Что редко до берегов желанных до-
стигали.
О коль великий вред! От зла рож-
далось зло!
Виною толиких бед бывало ли
стекло?
Никак! Оно везде наш дух увеселя-
ет:
Полезно молодым и старым по-
могает.

По долговременном теченьи на-
ших дней
Тупеет зрение ослабленных очей.
Померкшее того не представля-
ет чувство,
Что кажет в тонкостях натура
и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться
чтенья книг;
Скучнее вечной тьмы, тяжелее
вериг!
Тогда противен день, веселие доса-
да!
Одно лишь нам стекло в сей бед-
ности отрада.
Оно способствием искусныя руки
Подать нам зрение умеет чрез
очки!
Не дар ли мы в стекле боже-
ственный имеем?
Что честь достойную воздать
ему коснеем?

Взирая в древности народы изум-
ленны,
Что греет, топит, льет и све-
тит огонь возженный,
Иные божеску ему давали честь;

Иные знать хотя, кто с неба мог
принести,
Представили в своем мечтанье
Прометея,
Что, многи на земли художества
умея,
Различные казал искусством чу-
деса:
За то Минервою был взят на небе-
са.
Похитил с солнца огонь и смерт-
ным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг
ужасны звуки.
Продерзкого к горе великой прико-
вал,
И сильному орлу на растерзанье
дал.
Он сердце завсегда коварное тер-
зает,
На коем снова плоть на муку вы-
растает.
Там слышен страшный стон,
там тяжка цепь звучит,
И кровь чрез камни вниз текущая
шумит.
О коль несносна жизнь! Позорище
ужасно!

*Но в просвещенны дни сей вымысл
видим ясно.*

*Пишты, украшать хотя свои сти-
хи,*

*Описывали казнь за мнимые гре-
хи.*

*Мы пламень солнечный стеклом
здесь получаем,*

*И Прометея тем безбедно подра-
жаем.*

*Ругаясь подлости нескладных
оных врак,*

*Небесным без греха огнем курим
табак;*

*И только лишь о том мы дума-
ем, жалея,*

*Не свергла ль в пагубу наука Про-
метея?*

*Не злясь ли на него невежд свире-
пых полк,*

*На знатны вымыслы сложил
неправый толк?*

*Не наблюдал ли звезд тогда
сквозь телескопы,*

*Что ныне воскресил труд счаст-
ливой Европы?*

Не огонь ли он стеклом умел сво-

дить с небес
И пагубу себе от варваров нанес,
Что предали на казнь, обнесши
чародеем?
Коль много таких примеров
мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под свя-
тости покров,
И груба ревность с ней на правду
строя ков,
От самой древности воюют мно-
гократно,
Чем много знания погибло невоз-
вратно!
Коль точно знали б мы небесные
страны,
Движение планет, течение луны,
Когда бы Аристарх завистливым
Клеантом
Не назван был в суде неистовым
Гигантом,
Дерзнувшим землю всю от твер-
ди потрясти,
Круг центра своего, круг солнца
обнести;
Дерзнувшим научать, что все до-
машни боги
Терпят великий труд всегдашняя

дороги;
Вертится вокруг Нептун, Диана и
Плутон:
И страждут ту же казнь, как
дерзкий Иксион;
И неподвижная земли богиня Ве-
ста
К упокоению сыскать не может
места.
Под видом ложным сих почтения
богов
Закрыт был звездный мир чрез
множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой
лицемеры:
Дабы она, открыв величество
небес,
И разность дивную неведомых чу-
дес,
Не показала всем, что непостиж-
на сила
Единого творца весь мир сей со-
творила.
Что Марс, Нептун, Зевес, все сон-
мище богов
Не стоят тучных жертв, ниже
под жертву дров!

Что агнцев и волов жрецы едят
напрасно;
Сие одно, сие казалось быть опас-
но.

Оттоле землю все считали по-
среде.

Астроном весь свой век в бесплод-
ном был труде,

Запутан циклами, пока восстал
Коперник,

Презритель зависти и варварству
соперник:

В середине всех планет он солнце
положил,

Сугубое земли движение открыл.

Одним круг центра путь вседнев-
ный совершает,

Другим круг солнца год теченьем
составляет,

Он циклы истинной системой
растерзал

И правду точностью явлений до-
казал.

Потом Гугении, Кеплеры и Невто-
ны,

Преломленных лучей в стекле по-
знав законы,

Разумный подлинно уверили весь свет,
Коперник что учил, сомнения в том нет.
Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
Что истине они противятся напрасно.
В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной.
Везде божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем.
Чудимся быстрине, чудимся тишине,
Что бог устроил нам в безмерной глубине.
В ужасной скорости и купно быть в покое,
Кто чудо сотворит кроме его такое?
Нас больше таковы идеи веселят,
Как, божий некогда описывая град Вечерний, Августин ^[1] душою веселился.

О коль великим он восторгом бы
пленился,
Когда б разумну тварь толь тес-
но не включал,
Под нами б жителей, как здесь, не
отрицал,
Без математики вселенной бы не
мерил!
Что есть Америка, напрасно он
не верил:
Доказывает то подземный като-
лик,
Кадя златой его в костелах новых
лик.
Уже Колумбу вслед, уже за Магел-
ланом
Круг света ходим мы великим
Океаном,
И видим множество божествен-
ных там дел,
Земель и островов, людей, градов
и сел,
Незнаемых пред тем и странных
нам животных,
Зверей и птиц и рыб, плодов и
трав несчетных
Возьмите сей пример, Клеанты,
ясно вняв,

Коль много Августин в сем мне-
нии неправ;
Он слово божие употреблял ^[2] на-
прасно,
В системе света вы то ж делаете
власно.
Во зрительных трубах стекло яв-
ляет нам,
Колико дал творец пространство
небесам.
Толь много солнцев в них пылаю-
щих сияет,
Недвижных сколько звезд нам яс-
на ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других
планет,
Земля с ходящею круг ней луной
течет.
Которую хотя весьма простран-
ну знаем,
Но к свету применив, как точку
представляем.
Коль созданных вещей простран-
но естество!
О коль велико их создавшие божес-
тво!
О коль велико к нам щедрот его
пучина,

Что на землю послал возлюблен-
ного сына!
Не погнушался он на малый шар
сойти,
Чтобы погибшего страданием
спасти.
Чем меньше мы его щедрот до-
стойны зримся,
Тем больше благости и милости
чудимся!
Стекло приводит нас чрез оптику
к сему,
Прогнав глубокую неведения
тьму!
Преломленных лучей пределы в
нем не ложны,
Поставлены творцем; другие
невозможны.
В благословенный наш и просве-
щенный век
Чего не мог дойти по оным чело-
век?

Хоть острым взором нас природа
одарила,
Но близок оного конец имеет си-
ла.
Кроме, что вдалеке не кажет

нам вещей
И собранных трубой он требует
лучей,
Коль многих тварей он еще не до-
связает,
Которых малый рост пред нами
сокрывает!
Но в нынешних веках нам микро-
скоп открыл,
Что бог в невидимых животных
сотворил!
Коль тонки члены их, составы,
сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе жи-
вотны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяж-
кий кит,
Нас малый червь частей сложени-
ем дивит.
Велик создатель наш в огромно-
сти небесной!
Велик в строении червей, скудели
тесной!
Стеклом познали мы толики чу-
деса,
Чем он наполнил Понт, и воздух и
леса.
Прибавив рост вещей, оно коль

нам потребно,
Являет трав разбор и знание вра-
чебно.

Коль много микроскоп нам тай-
ности открыл,
Невидимых частиц и тонких в те-
ле жил!

Но что еще? Уже в стекле нам ба-
рометры
Хотят предвозвещать, коль скоро
будут ветры,
Коль скоро дождь густой на нивах
зашумит
Иль, облаки прогнав, их солнце
осушит.
Надежда наша в том обманами
не льстится,

Стекло поможет нам, и дело со-
вершится.
Открылись точно им движения
светил:
Чрез то ж откроется в погодах
разность сил,
Коль могут счастливы селяне
быть оттоле,
Когда не будет зной, ни дождь

опасен в поле!
Какой способности ждать должно
кораблям,
Узнав, когда шуметь или мол-
чать волнам,
И плавать по морю безбедно и
спокойно!
Велико дело в сем и гор златых
достойно!

Далече до конца стеклу достой-
ных хвал,
На кои целый год едва бы мне до-
стал.
За тем уже слова похвальны
оставляю,
И что об нем писал, то делом на-
чинаю.
Однако при конце не можно пре-
минуть,
Чтоб новых мне его чудес не по-
мянуть.

Что может смертным быть
ужаснее удара,
С которым молния из облак бле-
щит яра?
Услышав в темноте внезапный

треск и шум
И видя быстрый блеск, мятется
слабый ум;
От гневного часа желает, где б
укрыться;
Причины оного исследовать стра-
шится;
Дабы истолковать, что молния и
гром,
Такие мысли все считает он гре-
хом.
На бич, он говорит, я посмотреть
не смею,
Когда грозит отец нам яростью
своею.
Но как он нас казнит, подняв в пу-
чине вал,
То грех ли то сказать, что вет-
ром он нагнал?
Когда в Египте хлеб довольный не
родился,
То грех ли то сказать, что Нил
там не разлился?
Подобно надлежит о громе рас-
суждать.
Но блеск и звук его не дав главы
поднять,
Держал ученых смысл в смущении

толиком,
Что в заблуждении теряли путь
великом
И истинных причин достигнуть
не могли,
Поколе действ в стекле подобных
не нашли.
Вертясь, стеклянный шар дает
удары с блеском,
С громовым сходственны сверка-
нием и треском;
Дивился сходству ум, но видя ма-
лость сил,
До лета, прошлого сомнителен в
том был,
Довольствуя одни чрез любопыт-
ство очи,
Искал в том перемен приятных
дни и ночи;
И больше в том одном рачения
имел,
Чтоб силою стекла болезни одо-
лел;
И видел часто в том успехи во-
ждеделенны.
О коль со древними дни наши
несравненны!
Внезапно чудный слух по всем

странам течет,
Что от громовых стрел опасно-
сти уж нет!
Что та же сила туч гремящих
мрак наводит,
Котора от стекла движением ис-
ходит,
Что, зная правила, изысканны
стеклом,
Мы можем отвратить от хра-
мин наших гром.
Единство оных сил доказано сто-
кратно:
Мы лета ныне ждем приятного
обратно.
Тогда о истине стекло уверит
нас,
Ужасный будет ли безбеден гро-
ма глас?
Европа ныне в то всю мысль свою
вперила,
И махины уже пристойны учреди-
ла.
Я, следуя за ней, с Парнасских гор
схожу,
На время ко стеклу весь труд
свой приложу.

Ходя за тайнами в искусстве и
природе,
Я слышу восхищен веселый глас в
народе.
Елисаветина повсюду похвала
Гласит премудрости и щедрости
дела.
Златые времена! О кроткие зако-
ны!
Народу своему прощает миллио-
ны;
И, пользу общую отечества про-
зря,
Учению велит расширяться в мо-
ря,
Умножив бодрость в нем щедро-
тою своею!
А ты, мой Меценат, присутствуя
пред нею,
Какой наукам путь стараешься
открыть,
Пред светом в том могу свиде-
тель верный быть.
Тебе похвальны все, приятны и
любезны,
Что тщатся постигать учения
полезны.
Мои посильные и малые труды

Коль часто перед ней воспомина-
ешь ты!

Услышанному быть ее кротчай-
шим слухом

Есть новым бытия животво-
ряться духом!

Кто кажет старых смысл во
днях еще младых,

Тот будет всем пример, дожив
власов седых.

Кто склонность в счастье и доб-
роту являет,

Тот счастье себе недвижно
утверждает.

Всяк чувствует в тебе и хвалит
обое,

И небо чаемых покажет сбытие.

Послушайте, прошу, что старому случилось

*Послушайте, прошу, что старому
случилось,
Когда ему гулять за благо рассу-
дилось.
Он ехал на осле, а следом парень
шол;
И только лишь с горы они спусти-
лись в дол,*

*5 Прохожей осудил тотчас его на
встрече:
«Ах, как ты малому даешь бресть
толь далече?»
Старик сошел с осла и сына поса-
дил,
И только лишь за ним десяток
раз ступил,
То люди начали указывать пер-
стами:*

*10 «Такими вот весь свет напол-
нен дураками:
Не можно ль на осле им ехать
обоим?»*

Старик к ребенку сел и едет вме-
сте с ним.

Однако, чуть минул местечка по-
ловину,

Весь рынок закричал: «Что му-
чишь так скотину?»

15 Тогда старик осла домой пово-
ротил

И, скуки не стерпя, себе прогово-
рил:

«Как стану я смотреть на все
людския речи,

То будет и осла взвалить к себе
на плечи»

1747

Сноски

зрел(церк.-слав.) – видел. – *Примечание редактора Викитеки.*

[^^^]

2

Сила – ударение (прим. редактора).

[^^^]

Трисотин – кличка Тредиаковского, пущенная в ход А. П. Сумароковым, который в своей комедии «Тресотиниус» вывел под этим именем Тредиаковского. В комедии Мольера «Les femmes savantes» («Учёные женщины») имя Trissotin (Триссотен) дано одному из действующих лиц, претенциозному поэту, автору вычурных стишков (*прим. редактора*).

[^^^]

4

Продвижение русских войск к Рейну способствовало заключению мира.

[^^^]

Серебряная рака (гробница) великого князя Александра Невского была отлита в 1750 г. из серебра, «обретённого» в 1742 г. на Алтае. В настоящее время в Эрмитаже.

[^^^]

В 1747 г. правительство Елизаветы увеличило ассигнования на академические нужды. Пожалуй, лишь в «хотинской» оде лирический «восторг» может сравниться по силе и искренности с эмоциональным подъемом оды 1747 г. Дело здесь, конечно же, не в частичном улучшении академического бюджета самом по себе. Дело в том, что этот факт дал Ломоносову возможность воспеть самую задушевную его идею – идею высокой национально-государственной и нравственной пользы наук. Ода 1747 года по праву является одним из самых популярных поэтических произведений Ломоносова. Как по тематике (Родина, науки, прославление «тишины», мира), так и по художественной отделке это стихотворение не имеет себе подобных в одической поэзии того времени.

[^^^]

Войне поставила конец... – Война со шведами 1741–1743 гг. закончилась несколько месяцев спустя после коронации Елизаветы (прим. редактора.)

[^^^]

Когда ты крест несла рукою... – Ломоносов напоминает Елизавете о том, как начался дворцовый переворот 25 ноября 1741 г., приведший ее к власти. Она вышла к преобразенцам с крестом в руке и привела их к присяге как государыня (прим. редактора.)

[^^^]

Молчите, пламенные звуки... – метафорическое определение войны (прим. редактора.)

[^^^]

Сомненная Нева рекла: // «Или я ныне позабылась // И с оного пути склонилась, // Которым прежде я текла?» – Нева как бы не узнает своих берегов в том месте, где вырос Санкт-Петербург (прим. редактора.)

[^^^]

Монарх к себе их призывает... – Задумав основать Академию наук, Петр I вел переговоры с крупнейшими учеными Европы (Лейбницем, Вольфом и др.) в целях привлечения их в Россию (прим. редактора.)

[^^^]

Завистливым отторжен роком... – имеется в виду смерть Петра I (прим. редактора.)

[^^^]

Но кроткая Екатерина... – Екатерина I, вдова Петра I. При ней 27 декабря 1725 года была открыта Петербургская Академия наук (прим. редактора.)

[^^^]

Колумб российский через воды... – Ломоносов имеет в виду одного из руководителей так называемой Второй Камчатской экспедиции А. И. Чирикова (прим. редактора.)

[^^^]

**Там, тьмою островов посеян, // Реке подобен
Океан...** – Предполагают, что Ломоносов говорит здесь о Курильских островах и Курильском течении, проходящем с севера на юг вдоль берегов Камчатки, Курильских островов к северным берегам Японии (прим. редактора.)

[^^^]

И се Минерва ударяет... – аллегорическая картина проникновения науки (мудрой Минервы) в тайную сокровищницу природы, олицетворяемую далее в образе Плутона; в 1745 г. на Урале было открыто первое коренное месторождение золота, положившее начало его промышленной добыче (прим. редактора.)

[^^^]

Науки юношей питают... – эта строфа является вольной поэтической разработкой темы, заимствованной из речи Цицерона «В защиту поэта Архия» (Pro A. Licinio Archia poeta, 16): *Haec studia adolescentiam alunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solacium praebent.* – Эти занятия наукой питают юношей, приносят усладу старикам, украшают в счастье, служат убежищем и утешением в несчастье. (прим. редактора.)

[^^^]

«Отмщать завистнику меня вооружают...». Эпиграмма была послана Ломоносовым И. И. Шувалову с припиской: «Прошу извинить, что для краткости времени набело переписать не успел. Корректуры русской и латинской речи и грыдоровальных досок не позволяют». Как установил Л. Б. Модзалевский, эти слова относятся к первой половине ноября 1753 г. (Акад. изд. Спб., 1891. Т. 8, паг. 2. С. 91). По традиции, восходящей к XVIII в., считается эпиграммой на Тредиаковского.

[^^^]